

Последний рывок

Автор:

Игорь Зурков

Последний рывок

Дмитрий Аркадьевич Зурков

Игорь Аркадьевич Черепнев

Бешеный прапорщик #9Боевая фантастика (АСТ)

Революция, о необходимости которой кричали на всех углах, разглагольствовали в ресторанах и шептались в кухнях, не состоялась. Генерал Келлер и регент империи великий князь Михаил железной рукой наводят порядок в стране. И простому люду это нравится. Потому что за наплевательское отношение к высочайшим указам о восьмичасовом рабочем дне и повышении зарплаты рабочим бывшие директора и управляющие едут строить Тихвинскую ГЭС, а фронтовые интенданты и земгусары, пойманные с поличным, роют окопы полного профиля в составе штрафных рот...

Осталось окончить войну. Не каким-нибудь похабным Брест-Литовским договором, а – Победой! Собрать все силы, сделать последний рывок и нанести удар там, где никто не ждёт! И, как всегда, на острие удара – подполковник Гуров и его батальон...

Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев

Бешеный прапорщик

Последний рывок

Серия «Боевая фантастика»

Оформление обложки Станислава Дудина

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Дмитрий Зурков, 2020

© Игорь Черепнев, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Авторы выражают свою искреннюю благодарность участникам форумов «В Вихре Времен» и «Самиздат», без их помощи книга не получилась бы такой, как она есть, и лично: Светлане, Екатерине и Илье Полозковым, Элеоноре и Грете Черепневым, Ольге Лашенко, Анатолию Спесивцеву, Владимиру Геллеру, Игорю Мармонтову, Виктору Дурову, Виталию Сергееву, Александру Колесникову, Владимиру Черменскому, Андрею Метелёву, Валерию Дубницкому.

Глава 1

Царскосельский вокзал кажется вымершим, вокруг – ни души. Мы, правда, заехали в Царский павильон, и времени на часах – два ночи с копейками, но мне всё же кажется, что все желавшие убыть из Питера сегодня ночью вдруг резко передумали. Хотя – нет, вру, пока мы «причаливали», на перроне появился командующий Отдельным Петроградским военным округом генерал от кавалерии Келлер в сопровождении нескольких разномастных существ, попадающих под определение «и другие официальные лица». На мгновенно выстроившееся оцепление это оскорбление, естественно, не распространяется.

– Господа, прошу и далее сопровождать меня и мою семью, – негромкой фразой император перечёркивает мои теперь уже несбыточные мечты незаметно для всех исчезнуть. Приходится организовывать «коробочку» на перроне. Не совсем дружелюбные взгляды-прицелы диверсов заставляют встречающую шуштуру съёжиться и выдерживать безопасную дистанцию, так что к самодержцу подходит только Фёдор Артурович. Доклад и беседа остаются за пределами сознания, всё внимание – охраняемому периметру. Взгляд скользит направо до конца павильона, затем обратно, никаких резких и неправильных движений пока не замечено.

Наконец-то обмен мнениями закончен, и мы, окружив наших ВИПов, выводим их к подъезду, где уже ждут машины, большая часть из которых мне знакома. Как я понимаю, для транспортировки царской семьи Фёдор Артурович выбрал самое правильное решение – мою бронереношку из Ораниенбаума, только пулемёт с турели сняли. Ну, так оно и правильно, вместимость десантного отсека – семь человек в полной боевой, сверху – съёмная крыша. Для двух взрослых, четырёх барышень и одного подростка места вполне хватит, тем более ехать недалеко и недолго. Рядом в качестве эскорта стоят ещё два «рено», но уже «а-ля штабс-капитан Мгебров», причём в отдельных башнях не «максимы», а «люисы». Дальше – пара открытых грузовиков неизвестной мне масти, «скорая», и замыкают колонну ещё два броневика. Кажется, – не принятые официально на вооружение двухпулемётные «Шеффилд-Симплексы». Надеюсь, в случае чего, будут воевать лучше, чем их тёзка с аргентинцами в тысяча девятьсот восемьдесят втором... Ну и, наконец, за ними гарцует в ожидании конвойная казачья сотня.

На всякий случай загоняю сверху на броню своего бэтэра Котяру с одолженным у морпехов «мадсеном» и второго номера с магазинами. На случай, если кто-то захочет сделать пакость с крыши или верхних этажей. Сами располагаемся в первом грузовике, второй занимают матросы Воронова. В «скорую» грузятся

разномастные цивилизные сущности, замеченные на вокзале, к моему стыду оказавшиеся врачами, причём рекомендованными самим Павловым. Казаки-уральцы, возглавляемые суровым бородатым дядькой-есаулом, обтекают колонну, беря её в живое кольцо. Короткий гудок мгебровской реношки, в которой едет Келлер, и мы трогаемся...

По набережной канала проезжаем госпиталь и какое-то странное здание с четырьмя трубами за ним, поворачиваем направо и едем уже по набережной Фонтанки... Наша кавалькада в тусклом свете редких уличных фонарей, наверное, кажется проснувшимся обывателям, буде таковые имеются, полным сюрсом, сейчас ещё панику поднимут... Так, а это что?.. Ага, Семёновский мост... Направо... Черета всяких доходных домов, слегка разбавленных особняками... О, Апраксин двор... Малый театр... Поворачиваем направо, не доезжая до Аничкова моста с его знаменитыми клодтовскими конями... Вот уж не повезло скульптору! Раз пять, наверное, лошадок отливал, а их раздаривали всяким проходимцам типа германского императора и короля Сицилии, заменяя на мосту гипсовыми копиями...

Всё, приехали! Обзорная экскурсия по ночному Питеру закончена. Останавливаемся перед кажущимся в ночном освещении кроваво-красным Аничковым дворцом. На первом этаже горит пара окон, за воротами – броневик, сопровождающий нас на всякий случай стволом пулемёта, казаки с карабинами на изготовку. Быстренько спешиваемся и стараемся неявно занять удобные для боя места... Но это уже не требуется. Навстречу Келлеру, бесстрашно вылезшему из своего «бронетакси», выходит могутный такой казачина, не уступающий ростом самому генералу. Черкеска, кинжал и шашка, отделанные серебром, раздвоенная борода... Кажется, я знаю, кто это. Камер-казак и личный телохранитель вдовствующей императрицы Тимофей Ящик. Выполняющий, насколько я понимаю, ещё и особо деликатные поручения Марии Фёдоровны...

Обмен короткими фразами, Ящик козыряет Фёдору Артуровичу, затем машет своим, чтобы открывали ворота. Броневики заезжают внутрь прямо к самым дверям, мы чешем следом, задачу бдить и охранять никто не отменял. Опять «коробочка», императорская семья выбирается на крыльцо, Аликс, видимо, от пережитого еле держится на ногах, буквально повисает на руке мужа. Котяра снова берёт на руки цесаревича, сомлевшего в дороге, все заходят внутрь. Мы с Вороновым замыкаем шествие, повинуюсь знаку Келлера...

Почти на пороге, наплевав на все правила приличия и этикета, нас встречает вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Как и положено каждой уважающей себя бабушке, сначала уделяет всё внимание внуку и внучкам, прислуга мигом, чуть ли не на руках растаскивает царевен и наследника с сопровождающими врачами по комнатам. Наступает черёд взрослых. Взаимная неприязнь снохи и свекрови общеизвестна, а потому младшая императрица чуть ли не через силу переставляет ноги, но старшая решает в такую минуту не опускаться до личных обид и, сделав пару шагов навстречу, обнимает сначала Аликс, затем Николая.

– Генерал Келлер обещал мне, что здесь твоя семья, Ники, будет по-настоящему в безопасности. – Голос императрицы-мамы звучит звонко и сильно, несмотря на возраст. – Не так ли, Фёдор Артурович?.. А кто эти офицеры? Они принимали участие в спасении?.. Представьте мне их!..

– Командир первого отдельного Нарочанского батальона капитан Гуров...

Щёлкаю каблуками и делаю короткий полупоклон-кивок.

– Младший офицер Гвардейского экипажа лейтенант Воронов. – Павел Алексеевич повторяет мои действия.

– Я бесконечно благодарна вам, господа, за спасение моего сына и его семьи, за верность присяге и долгу...

Продолжить благодарственную речь она не успевает, Александра Фёдоровна закатывает глаза и оседает на пол. К упавшей императрице мы с Вороновым успеваем одновременно. Осторожно подхватываем под руки и пытаемся приподнять с пола...

– Врача! Немедленно врача! – Старшая императрица не теряет самообладания и выдаёт целеуказания в открытую дверь: – Кто-нибудь, помогите! Быстро сюда!..

В комнату влетают слуги и пара врачей, что встречали нас на вокзале. Один из докторов склоняется над распростёршейся безвольной куклой Аликс, пытается нащупать пульс на запястье, потом на шее, хмурится и командует столпившимся вокруг:

– Расступитесь! Её – в соседнюю комнату! Положить на кушетку! Мой саквояж!
Окно – настежь, нужен свежий воздух!..

Вслед за толпой, уносящей императрицу, хромает Николай, поддерживаемый матерью. Перед самыми дверями она оборачивается и зовёт Келлера:

– Фёдор Артурович!..

Наш генерал успевает подхватить оступившегося императора и не дать упасть под непосильной ношей Марии Фёдоровне. Прекрасно понимая, что аудиенция откладывается, выходим из дворца, и я, наведясь на знакомый запах, оставляю Воронова «погулять при луне», а сам заворачиваю за угол и попадаю в небольшой закуток, образованный стенами и приткнувшимся рядом броневином, рядом с которым стоит с папиросой в руке водитель и, скорее всего, командир машины в одном лице, молодой худой юноша в кожанке с погонами, на которых помимо одиноких прапорских звёзд красуются крылышки с колёсами. Трое казаков пытаются незаметно затоптать свои самокрутки, чтобы не огрести за курение в неподобающем месте.

– Чем обязан, господин капитан? – По голосу слышно, что он, понимая, что против старшего по званию «не пляшет», всё же пытается соблюсти свой авторитет перед нижними чинами и не допустить разноса за курение.

– Да, собственно, ничем. Ищу укромное место, чтобы покурить. Ночка, знаете ли, выдалась трудная, – объясняю причину, доставая из кармана портсигар. – А вы, орлы, потом свои окурки подберите, чтобы следов не оставлять.

– Да не, вашскородь, у нас тута посудина имеется, – басит приказный, доставая из-под машины пустую консервную банку.

Первая же затяжка даёт понимание того, что операция закончена и можно малость расслабиться. Но успеваю выкурить папиросу только до половины, как появляется Воронов и знаком показывает, что надо идти...

На крыльце нас встречает Келлер и тихо, чтобы никто больше не слышал, сообщает новость, от которой мой расслабон моментально улетучивается:

– Господа, это – очень конфиденциально... Императрица Александра Фёдоровна скончалась. Доктор сказал – сердечный приступ... Павел Алексеевич, езжайте домой, отдохните. Вам, Денис Анатольевич, и вашим бойцам – тоже отдохнуть, отсыпаться. Следующей ночью вы мне понадобится...

Глава 2

Генеральское распоряжение выполнить удалось в полной мере. Даже несмотря на то, что в десять утра материализовался вестовой и передал приказание немедленно прибыть. Так что быстро одеваюсь и бегу узнавать, что же такого экстренного случилось.

На входе в кабинет меня встречает всё тот же Прохор, не говоря ни слова открывающий дверь и сообщаящий его высокопревосходительству, что «капитан Гуров прибыли-с». Настроение начинает портиться с первого же взгляда на Келлера. Никогда ещё не видел его в таком состоянии. Поэтому заготовленное язвительное замечание насчёт ловли блох и диареи мгновенно заменяется коротким вопросом: «Что случилось?»

– Из Москвы ночью радировали... – Прежде чем продолжить, Фёдор Артурович непроизвольно оглядывается по сторонам и почти шёпотом сообщает: – Вчера вечером было совершено покушение на Михаила...

Ё!.. Твою мать!.. Прошляпили!.. Твари, все кровью умоетесь!.. Келлер смотрит на меня, ожидая, когда я переберу в уме все выражения, используемые в подобных случаях, затем продолжает:

– Михаил жив. По счастливой случайности... Графиня Брасова устроила ему очередной скандал. Она общалась с кем-то там из воротил и обещала привезти регента для обоюдовыгодной беседы. Он вспылил и отказался. Приказал подать автомобиль и отправил её прочь. В качестве сопровождающего напросился великий князь Дмитрий Павлович. К несчастью, она взяла с собой сына... По дороге машину расстреляли кинжальным огнём из двух «люисов». В живых никого не осталось. Конвой был сокращённого состава, всего шесть человек, но они грохнули одного и ранили при попытке уйти второго стрелка...

– Эсеры?.. Анархисты?.. Кто?..

– Ни за что не догадаешься... – Келлер горько кривится. – Один из офицеров штаба тридцать второй пехотной дивизии. Прибыл в Москву согласно распоряжению управления генерал-квартирмейстера Ставки. Второй, с его слов, – оттуда же.

– Вот так сразу взял и заговорил?

– У твоего Михалыча долго никто молчать не будет. А тут у него ещё двое раненых...

– Кто?!..

– Не знаю. В телеграмме фамилии не указаны... Короче говоря, вызвал их некий подполковник Барановский, ранее также служивший в штабе той дивизии.

– Что за крендель?

– О нём ещё в Москве предупреждал Воронцов. Его сестра – жена Керенского, а сам он у адвоката на коротком поводке. На вот, посмотри. – Фёдор Артурович протягивает мне фото. Неприметная такая сволочь с усиками и бородкой по последней моде. Аксельбант генштабиста, парочка орденов... Ага, а вот это – уже штрих! Георгиевское оружие! Непрост дядя, совсем непрост... И, самое главное, встречались мы с ним и очень-очень недавно!..

– Однако!.. Я его уже видел. Не далее как вчера в Царском Селе. На пару с Кирюхой. Но был он уже полковником.

– Что ж ты его?!.. Хотя – да. Откуда мог знать... Но теперь, если где увидишь, не проходи мимо, притащи его сюда. Слишком много вопросов к нему накопилось.

– Добро. Только где я его увидеть-то смогу?

– Там, куда ты пойдёшь ночью со своими головорезами. На связь вышел Потапов с интересной информацией. По его сведениям сегодня состоится встреча оставшихся на свободе военных руководителей переворота. То есть, как у нас

говорили, – исполнителей высокого уровня. Возможно, будет кто-то даже от штаба округа и ГУГШ. Задача – тихо повязать всю эту компанию и доставить сам знаешь куда... Или ликвидировать при невозможности взять «в плен».

– Ясно. Где, как и когда?

– Скоро приедет Потапов, у него и спросишь. А пока что ознакомлю с обстановкой. Вчера ближе к вечеру всякие «мирные» демонстрации закончились. В основном из-за хлорацетона, твоих гранатомётчиков и броневиков. Простой люд сидит теперь дома, боясь высунуть нос на улицу, а вся эта «революционная» сволота очень быстро поняла, что любой баррикаде достаточно одного-двух выстрелов из горной трёхдюймовки, булыжники не летают так далеко, как химгранаты, а броневикам охотничьи ружья и браунинги абсолютно по хрену. И они решили поменять тактику. Или им дали такую команду. Мы вытеснили их в военный городок и на Выборгскую сторону. Полной изоляции не получается, сам понимаешь, рядом Невский, другие улицы, казармы попеременно с особняками и борделями. Те, кто сопротивляется, блокированы, патронов у них нет, еды нет, воды – тоже. – Фёдор Артурович ловит мой удивлённый взгляд и поясняет: – Я приказал отключить там водопровод... Скоро начнут сдаваться. Авиаторы раскидали листовки, в них сказано, что солдаты, добровольно сдавшиеся до завтрашнего утра, после проверки будут оставлены на службе, продолжающие оказывать сопротивление будут уничтожены при штурме, или, если останутся в живых, подлежат преданию суду военного трибунала. Листовки, кстати, одновременно являются пропуском за кордон.

– Где-то я уже про такое слышал.

– Да, но в отличие от немцев в сорок первом, я сдержу своё слово... Бессонов со своими коллегами с ног валятся, спят час-полтора в сутки.

– Много желающих сдаться?

– Пока идут мелкими группами и поодиночке. У Отдельного корпуса и без этого работы по горло. Забастовщики, саботажники, посольства, легионеры... Да-да, не ослышались, господин капитан, между прочим и вашими стараниями в том числе. Студента с ковбойским винчестером помните? Приехал оказывать братскую помощь в деле победы революции. Причём за хорошее вознаграждение. В обмен на возможность депортации сдал всех, как

стеклотару. И остальных боевиков, и хозяев. Американец он. От постоянной нищеты завербовался на «неплохую работёнку». Бизнес, ничего личного... Кстати, перед отправкой с ними беседовал некий господин в пенсне и с шикарной кучерявой шевелюрой. По описанию очень похож на Троцкого.

– Это всё хорошо, а где этот пиндос научился по-русски болтать?

– С семьёй наших эмигрантов там познакомился, к их дочке испытывал очень нежные чувства, вот и выучил. Он, кстати, не американец, а ирландец. Во всяком случае, считает себя таковым.

– Хрен редьки не больше.

– Согласен... А так – волнения идут на спад. Склады с оружием и патронами им не достались, раздобыли что могли, по мелочи. Сестрорецкий завод ничего им не прислал, в отличие от «прошлого раза» весь ревком был моментально арестован. То, что пытались и пытаются доставить в Питер малыми партиями, перехватывается казаками, устроившими на дорогах настоящую охоту за всем, что движется, – 1-й Донской таким манером пытается заработать реабилитацию.

Часть заводов уже работает, остальные ждут, пока выполнят их требования. Только экономические. Тем паче что до директоров и всяких управляющих доведено, что в связи с военным положением в городе невыполнение требований рабочих будет приравнено к акту саботажа и вредительства. Невзирая на желания акционеров. И что адвокаты на заседания трибуналов не допускаются – ускоренное судопроизводство как-никак. И никакие агитаторы больше по цехам не шастают, народ с толку не сбивают и на митинги не гонят. Очаги вооружённого сопротивления постепенно ликвидируются. Кстати, волынцы, бывшие зачинщиками бунта, уже сдались. В том числе и старший унтер-офицер Кирпичников. После неудачной попытки взять Финляндский вокзал на пару с большевиками, которых, кстати, вёл товарищ Калинин...

– Насколько я помню, зачинщиками были павловцы. Калинина знаю, а кто такой этот Кирпичников?

– Насчёт павловцев – вопрос спорный. А Тимофея Кирпичникова называли первым солдатом революции. Ему «тогда» Корнилов лично Георгия вручал. Теперь этот солдат сидит у нас и рассказывает такое! Впрочем, сам послушаешь

потом... Так вот, и подполковник Бессонов, и генерал Потапов получили сведения, что заговорщики готовят ещё один, но уже последний удар. Пошли ва-банк, другой возможности нет, сил уже не хватает. Есть информация, что собираются вывести из блокады своих сторонников неизвестно каким пока способом, переправиться через Неву и внезапным штурмом взять Арсенал и Патронный завод, а там опять поднимать рабочих. И, скорее всего, броневики у них тоже есть. Мы в Михайловском манеже недосчитались десятка машин.

– Так в чём проблема? Заранее выставить пулемёты и при переправе искупать. И в воде, и в крови.

– Нет, Денис Анатольевич, именно что опять кровь прольётся, опять волнения могут начаться. Да и наши заклятые иностранные «друзья» раздуют шум на всю Европу, как палач Келлер с подручными над голодными людьми издевается, газами их душит и из пулемётов расстреливает. Английское и французское посольства хоть и блокированы «ради сохранения дипломатической неприкосновенности», но всё же... Проще последних главарей обезвредить и через них по всей цепочке пройти. Вот поэтому вы, господин капитан, со своими «призраками» мне и нужны.

– Получается, обходимся малой кровью?

– В буквальном смысле. Докторишки из Военного госпиталя зафиксировали около десяти тысяч обращений за помощью. В основном – получившие травмы в давке, когда манифестации разгоняли. Вывихи там разные, переломы, ушибы. Огнестрельных ранений набралось под сотню. Я подключил криминалистов, пули в основном от револьверов и дробовиков. Хотя есть и винтовочные.

– А почему – докторишки?... Просто помня ваш пиетет перед эскулапами...

– Потому что крик до небес подняли, когда к ним с обысками пришли. А после найденных тайников с оружием язычки-то и прикусили. Теперь всех пострадавших моим приказом туда везут, чтобы видели гадёныши в белых халатах, чем революции заканчиваются. А команды выздоравливающих, которые больше всех воду мутили, теперь трудотерапией занимаются, улицы очищают от остатков баррикад, конских яблок и лузги семечек. И пары дней не прошло, а горы шелухи стали чуть ли не символом революции! Дорвались Шариковы до свободы!..

– Да, а как там с временщиками получилось?

– Нормально всё получилось, Денис Анатольевич. Бессонов – гений! Туда они проехали, замаскировавшись под революционные массы. Взяли Милюкова, Некрасова, Коновалова, Ефремова, Керенского... Вот вы, господин капитан, как вывозили бы их оттуда?

– Кляп в рот, мешок на голову, руки связать и цепочкой в грузовик под видом врагов народа. А там – газу! И не дай бог кто-нибудь встанет на пути!..

– Вот-вот!.. Мне бы шашку, да коня, да на линию огня!.. – Фёдор Артурович с иронией вспоминает «Сказку про Федота-стрельца». – Подполковник придумал вариант получше... Перед Таврическим – толпы солдат, рабочих, прочих бездельников и лоботрясов. И все пришли защищать революцию от «тёмных и враждебных сил». И тут подъезжает бочка-водовозка, на козлах мужичок такой бойкий сидит и кричит во всеуслышание:

«Кто за свободу и справедливость, подходи по одному!»

Снимает с шеи гирлянду кружек на верёвке, развязывает, расставляет их на сиденья и черпаком из бочки разливает спирт. А пока первые желающие «хлопают по рюмашке», объявляет, что со складов везут всем, кто поддерживает революцию, выпить и закусить. И что остальная колонна остановилась в четырёх кварталах отсюда, у телеги колесо сломалось. А потому все желающие могут пойти навстречу и получить максимум удовольствия. И тут же все жаждущие халявного угощения ломаются в указанном направлении. Площадь пустеет за пару минут, машины спокойно уезжают.

– И что? У нас это называется ложный след. А сломанные ветки, примятая трава, «неосторожные» следы или бочка со спиртом – суть детали... Значит, обстановка в городе почти нормализовалась? Не прошло и двух суток...

– Не совсем так. По вечерам на улицах беспокойно. Всё-таки из двух тюрем уголовники сбежали. Не хватило сил на всё. Все, кто был, брошены на цейхгаузы и арсеналы. А эта мразь сбилась в небольшие банды и отрывается на простых горожанах. Грабежи, насилия... Юнкера, конечно, патрулируют улицы, и им дан приказ пойманных на месте расстреливать без суда, но...

– Господа будущие офицеры не желают марать белы ручки?

– Нет, у Кутепова особо не забалуешь... – Келлер разъясняет моё недоумение. – Полковник лейб-гвардии Преображенского полка Кутепов согласился взять на себя организацию патрулирования. И справляется с этим на «отлично». Дело в другом. Мальчишки, коими юнкера иногда являются, излишне доверчивы и боятся пролить невинную кровь. По мере высвобождения пытаюсь подключать казаков, но всё равно людей не хватает...

Дверь снова открывается, и появившийся Прохор провозглашает:

– Его превосходительство генерал-майор Потапов!..

Значит, сейчас узнаем детали и подробности и пойдём готовиться...

Глава 3

Погода сегодня играет за нас. Как там в песне? «Снег кружится, летает, летает...» Почти ноль по градуснику, снегопад и порывистый ветер – что ещё надо диверсанту для полного счастья? Хотя мы сегодня работаем в режиме СОБРа. Выехали на адрес, сидим и ждём, когда все мышки залезут в мышеловку. А пока ждём, внимательно слушаем двух смежников из ведомства Бессонова, которые подробно рассказывают нам всё, что удалось нарыть на эту дачку и её обитателей. Дачка – домик наподобие того, где я когда-то мило беседовал с господами из контрразведки. Только размером побольше, забором повыше и с несколькими постройками типа каретного сарая. И сарай этот, по словам наблюдателей, не пустует. Днём, во всяком случае, там тарахтели двигатели, а ближе к вечеру на телеге подвезли кучу канистр, скорее всего, с бензином.

В доме уже четверо, но, как я понимаю, ждут ещё кого-то. И охрана там тоже присутствует. Сколько человек – неизвестно, но не меньше десятка-полутора, и все, как я понимаю, со стволами. На крыльце стоит пародия на часового. Что характерно, – в форме. Но дымит, не стесняясь и не хоронясь, будто так и положено. Совсем охренели от ветра перемен?..

Так, а вот ещё действующие лица появились!.. К воротам подкатывает закрытое авто, коротко бибикает, с той стороны выдерживается небольшая пауза, потом створки распахиваются, и машина заезжает во двор... Насколько я понял, – ещё двое или трое, не считая водилы. Ну, теперь-то, наверное, всё. Можно начинать веселье...

Забор мы «прошли» со стороны гаража. Просто и незатейливо, как всегда. Сцепленные в замок руки, плечо, прыжок... Две пятёрки идут со мной, одна осталась контролировать периметр снаружи. Осторожно выглядываю из-за угла, затем подзываю одного из командиров:

– Фомич, пошли кого-нибудь посмотреть, кто там обитает. – Показываю рукой на флигель. Если в окнах горит свет и валит дым из трубы, – кто-то там живёт. И не факт, что хороший...

Через пять минут разведчики возвращаются и рассказывают интересные новости:

– Внутри человек двенадцать. Кто в карты играет, кто водку пьёт, кто по диванам валяется. Одеты в нашу форму, но не наши это, командир.

– С чего так решил?

– Морды не наши, пьют не по-нашенски, глотками мелкими, да и игра эта... У нас так не играют.

Приходится самому сбегать да глянуть. Ну да, не наша картинка. В окошко тайком много не увидишь, но впечатление такое, что в салун на Диком Западе попал. Играют точно в покер! И ставки делают!.. Но самое интересное – одеты солдатами, а оружие – кто на что выпендрился. Винтовок только пять, у остальных – пара винчестеровских «трэнч-ганов», а дальше – сплошной короткоствол. Хороший, не спорю, но где в Российской армии вы видели ефрейтора с браунингом М1903? Или рядовых с 96-ми маузерами? Ну, а этот вообще спалился! Интересно, он с собой его привёз? Бред наяву – российский унтер с кольцом-«миротворцем» на поясе!.. Ага, а вот этого я сразу не заметил! Сладкая парочка с «мадсеном»!.. Возвращаемся к основной группе, быстренько раздаю указания:

– Фомич, бери своих и блокируй флигель. Себя не обнаруживать. Услышишь шум в доме – вали их наглухо. Будьте внимательны, там есть ручник...

Группа уходит, а мы продолжаем заниматься делами. В гараже тоже горит свет и слышно какое-то звяканье. Значит, там тоже нехорошие люди нехорошими делами занимаются. А раз так, то надо их навестить...

Дверь, врезанная в створку ворот, не закрыта. Заходим и видим интересный «натюрморт». В гараже стоят два броневики. Один – пулемётный, неизвестной мне конструкции. Второй – «Ланчестер» с 37-миллиметровым «окурком», который тем не менее может немало дел наворотить. Ага, и «максим» торчит с обратной стороны. И возле него, сидя на корточках, копаются два «автослесаря». Один из них, увидев нас, замирает на полуслове, замороженно глядя в чёрный зрачок ствола «беты», нацеленной ему в лоб. Второй настолько увлечён сборкой какой-то железяки, что не замечает столбняка у своего коллеги и продолжает увлечённо заклинять запчасть разными «факами», «шитами» и «блуди бастардами», очевидно, надеясь, что это поможет в ремонте...

– Good evening, gentlemen. Who are you?[1 - Добрый вечер, джентльмены. Кто вы? (англ.)]

Господи, так же и убиться можно! Так дёрнуться и боднуть открытую бронедверку!..

– We... We are... mechanics...

Ну, понятно, какие они механики!..

– Your hands, please[2 - Ваши руки, пожалуйста (англ.)].

Верхние конечности тут же связываются за спиной, отошедший от ступора механик задаёт тот же вопрос, что и я:

– Who are you?

– Your nightmares...[3 - Ваши ночные кошмары (англ.)].

Осознать ответ он уже не успевает, один из «призраков» прикладывает его прикладом позади уха, отправляя в нирвану. Второй через секунду присоединяется к товарищу...

Часового на входе в дом развели, как малолетнего дитёнка. Когда он повернулся спиной к нашему углу, поймал за шиворот свежеслепленный снежок и, используя те же идиоматические выражения, что и механик немногим раньше, пошёл выяснять, кто из приятелей над ним так приколотся. Но не дошёл. Завернув за угол, стукнул виском по моему кулаку и почему-то решил отключиться. Трое диверсов остаются контролировать дом снаружи, двое идут со мной...

Место, где собрались искомые персоны, находим сразу же по оживлённому спору, слышному даже через закрытые двери. Пора прекратить прения и предоставить слово новому докладчику...

Кажется, мы вовремя. Господа заговорщики уже собираются расходиться. И немало удивляются ворвавшимся привидениям в белом, в отличие от классических, орущих: «Всем лежать! Лицом в пол! Руки за голову! Не шевелиться!» Хозяева застывают в ступоре, но ненадолго. Подсечка, и один уже выполнил команду... Рывок за шиворот, второй тоже пикирует на пол... Кто-то хватается за кобуру, но успевает только дёрнуть хлястик... Последний всё же решает самостоятельно последовать примеру товарищей. На заломанных назад руках тут же защёлкиваются новомодные наручники. Академик Павлов и тут впереди планеты всей! Решил спиратить изобретение компании Peerless, немного их доработав. И, пользуясь возможностью, передал нам на войсковые испытания...

Только сейчас к «жертвам неизвестно чьего произвола» возвращается дар речи:

– Вы... Кто вы такие?!.. Как смеее?!..

Это у единственного генерала голос прорезался, но, правда, сразу петуха дал. Несколько раз хлопает и дёргается в руках «бета», пули впиваются в пол рядом с его головой, звякают гильзы, в воздухе пахнет сгоревшим порохом.

– Молчать! Лежать! Смотреть в пол!..

Так, что мы имеем в улове? Помимо непослушного превосходительства ещё четыре высокоблагородия и один мутный гражданский. Неплохо, скоро революцией ефрейторы командовать будут. Или кухарки – по словам известного классика...

В комнату забегают один из Фомичёвых бойцов:

– Флигель умер.

– Добро, передай команду подогнать грузовик.

Один из «призраков» отмахивает «оборотнем» кусок гардинного шнура и нанизывает, как бублики, за скобы собранные револьверы, а потом вешает через плечо это импровизированное бандольеро, другой достаёт припасённые мешки из плотной ткани. Остальные бойцы поднимают первого мятежника, коим оказывается уже знакомый мне Барановский, ставят его лицом к стенке, пинками заставляют расставить ноги пошире и «приятельскими» похлопываниями проводят обыск. Полкан поворачивает голову и открывает рот, чтобы что-то сказать, но получает хорошую затрещину и не решается вякать. Ему надевают на голову мешок и заставляют встать на колени. Далее те же манипуляции проводятся со вторым... третьим... четвёртым... Последним оказывается цивильный шпак, хотя какой он, к чёрту, цивильный! По всему видно, что форму носил и носит, басурманин хренов!.. Почему-то оказываюсь прав, шпак, наплевав на предупреждение, перед тем как спрятать бошку в мешке, успевает крикнуть: «Я – подданный британской короны!» и получить за это тычок в почки. Только после окончания всех «процедур» подхожу к нему и спрашиваю:

– Кто вы такой?

– ...Капитан Кроми. Флот его величества короля Георга Пятого, – с небольшим промедлением объявляет он интересную новость. Вот это уже интересно, это мы удачно зашли! Но всё это – потом!..

– Господа! Вы арестованы за участие в заговоре против государя императора!

– Я – генерал-майор Якубович! Вы не имеете права!..

Несильный удар прикладом в затылок прерывает негодующую фразу.

– В крепости разберёмся! На выход по одному. Предупреждаю, шаг влево, шаг вправо расценивается как попытка побега. Охрана стреляет без предупреждения! На выход по одному! Первый – пошёл! – Даю команду начинать погрузочные работы: – Да, механиков этих тоже пакуйте. И броневиками займитесь...

Глава 4

Заехав в Петропавловку, сдаю «груз без пяти минут двести» начкару с пожеланием найти наиболее подходящие для них места, телефонирую Келлеру и от него получаю приказ сидеть в крепости и быть «пожарной командой» на случай непредвиденных обстоятельств. Мол, все уже на местах, капкан поставлен, а мои навыки могут пригодиться, если помимо Литейного полыхнёт где-нибудь ещё. Под занавес Фёдор Артурович интонационно выделил фразу о том, что получил весточку из Института, там всё спокойно, академик Павлов, а также Дашенька с малышкой живы-здоровы и передают папочке привет. Посыл остался непонятен, поэтому отодвигаю его на задний план и иду изучать документы пойманных и бумажный хлам из портфельчика, который прихватили с собой. Итак, генерал-майор Якубович, начальник отделения ГУГШ... Полковник Барановский, ну этого я уже знаю... Полковник Туманов, исполняющий дела помощника начальника отделения ГУГШ... Что-то много генштабистов для такой маленькой компании...

От бумажной работы меня отвлекает караульный с «бодрянки»:

– Вашскородь, там один из ентых с вами говорить желает.

– Со мной лично или с каким-нибудь офицером?

– Не-а, он сказал, штоб я нашёл того, кто их сюда привёз, и сказал ешо, што эта очень срочно и важно.

Блин, не дадут поработать спокойно. Можно, конечно, забыть, в смысле забить, но вдруг там действительно что-то важное?..

– Ладно, пойдём, покажешь мне, кому там спокойно не сидится...

Спокойно не сиделось Барановскому. Не успел я шагнуть в камеру, как услышал немного неожиданное:

– Ну наконец-то! Здравствуйте, Денис Анатольевич!..

Это, я так понимаю, человек свою осведомлённость показать желает, цену набивает. Нью-нью, старайся, энциклопедист подкладбищенский.

– Вам здоровья желать мне как-то не хочется. Да и не к чему оно вам.

На лице подпола мелькает недовольная гримаска, тут же сменяемая улыбкой.

– Полноте вам, господин капитан. Не скажу, что обстановка соответствует приличному знакомству. Но рано или поздно мы должны были встретиться.

– Мы вчера уже встречались, любезный. Вам этого недостаточно? Как голова, не болит?

– Если бы не ваша... э... не совсем уместная привычка чуть что сразу пускать в ход грубую силу, господин капитан, наша вчерашняя да и сегодняшняя встреча могла бы пройти совсем по-другому... Итак, мы можем спокойно поговорить о том, что представляет интерес для нас обоих?..

– А что, у нас могут быть общие интересы? Вот уж не думал.

– Могу я поинтересоваться, почему вы с таким остервенением защищаете никчёмного и безвольного Николая Второго? – Барановский оставляет мою шпильку без внимания. – Что-то личное?.. Не думаю. Тем более что мы вами интересовались давно, и по отзывам довоенных знакомых, особых симпатий к императору вы не испытывали. Что изменилось? Хотя – нет, перефразирую вопрос. Насколько слепа ваша преданность? Иными словами, можно ли чем-то её поколебать?

– Возможно, господин полковник, вам не приходилось об этом слышать, но я присягал императору, и освободить от присяги меня может только он.

– Не будем обмениваться колкостями, Денис Анатольевич. Я тоже присягал, но любой здравомыслящий человек прекрасно понимает разницу между действительностью и театральным фарсом. Все эти благоглупости придуманы для овец, чтобы шли себе смирно в стаде и не разбредались. А вам не приходило в голову, что вместо такой овечки можно стать пастухом и гнать стадо туда, куда надо тебе?.. – Барановский уже позволяет себе язвительно улыбаться. – Скажу открыто, вы ещё можете это сделать. Даже несмотря на вчерашнее. Если вы согласитесь помочь нам, ваши действия будут очень высоко оценены. Вы не пожалеете!..

– Надеюсь, Владимир Львович, сумма вознаграждения составит не тридцать сребреников?

– Опять вы за своё! Оставьте бога ради эту романтику брюсовским юношам бледным со взором горящим! Поймите, так или иначе вам придётся помочь нам. У вас, простите, нет другого выбора. Прошу выслушать меня спокойно и хладнокровно, Денис Анатольевич! То, что вы испортили вариант с великим князем Кириллом – по большому счёту ерунда. Он всё равно должен был стать мимолётным персонажем. Сейчас он у вас в руках, ну и что? Есть ещё Борис и Андрей Владимировичи.

– А есть цесаревич Алексей!

– Бросьте! Вы сами прекрасно знаете, что он безнадежно болен. Для чего продлять мучения ребёнку? По-вашему, это гуманно?..

Ну ни хрена себе, куда тебя занесло! Скоро до эвтаназии доберёмся. И я первый её тебе устрою!..

– Вы, случайно, себя Богом не возомнили, господин полковник? Решать, кому сколько жить – его прерогатива.

– Не будем сейчас дискутировать по пустякам... Вы, наверное, не знаете ещё, что сегодня утром погиб великий князь Михаил Александрович... Не огорчены, не

шокированы? Значит, ваша преданность всё же имеет какие-то пределы? Он же наряду со старым императором вас приблизил и возвысил... Я ещё раз прошу остеречься от опрометчивых действий, господин капитан... Почти одновременно с этим скорбным событием была захвачена вотчина академика Павлова, с которым вы также в близких отношениях. И где до последнего времени проживала ваша супруга с дочерью...

Только после третьего удара в голове мелькает запоздалое понимание загадочной фразы Келлера о Даше. После пятого решаю остыть и отпускаю Барановского, который сползает по стеночке на пол, где и начинает срочно учиться заново дышать.

– ...Кх-а... Кх-м... Нет, нет, с ними ничего не случилось!.. У вас такое лицо, что я даже на секунду испугался. – Несмотря на всё, Барановский внимательно смотрит за моей реакцией. – Надеюсь, вы прекрасно понимаете, что они в безопасности, но найти их вам не по силам... Даже если замордуете меня до смерти, ничего не получится. Я просто не знаю, где они. И не знаю, как выйти на нашего... скажем так – руководителя. Связь у нас односторонняя. Когда ему надо, он присылает доверенных людей. А чтобы воссоединиться с семьёй, вам нужно сделать сущий пустяк... Для вас, наверное, уже не секрет, что наши товарищи сейчас пытаются штурмовать Арсенал, чтобы вооружить народные массы? В Петропавловской крепости ведь тоже большие запасы оружия? Выпустите нас из каземата, помогите взять склады под контроль! У вас же здесь, в крепости, достаточно своих людей!.. Как вы смотрите на то, чтобы остаток жизни прожить вместе с семьёй в какой-нибудь далёкой и спокойной стране, имея счёт с пятью, а то и шестью нулями в любом швейцарском банке и абсолютно ни в чём не нуждаясь?..

Ладно, поиграем немного в твои игры и по твоим правилам.

– Почему я должен вам верить?

– Ну, Денис Анатольевич, даю слово офицера, с вашими близкими абсолютно ничего не случится!

– Не напомните, кто недавно рассказывал о разнице между действительностью и театральным фарсом? Это ведь в равной степени относится и к присяге и к слову чести, не так ли?

– Что же вы хотите? – Барановский не подаёт вида, что мои слова его задели.

– Какое-нибудь более существенное доказательство ваших слов. Не думаю, что вы настолько глупы, что не додумались попросить мою супругу черкнуть пару строчек, чтобы я поверил. Или предъявить какую-либо вещь, ей принадлежащую.

– Но, помилуйте, Денис Анатольевич, я же не знал, что наша встреча сегодня будет обязательной. – Теперь полкан выглядит несколько озадаченным. – И московский поезд ещё не прибыл...

– Значит, доказательств у вас нет...

– Пойдите, вы же забрали портфель! Там в боковом кармашке должна быть депеша!.. Отправленная из Москвы по телеграфу МПС. В ней говорится о задержке вагонов с...

– Ага, что-нибудь типа «Грузите апельсины бочками тчк Братья Карамазовы».

Барановский, не поняв абсолютно ничего, удивлённо смотрит на меня. Приходится объяснить:

– Кто поручится, что фраза означает именно то, о чём вы говорите? Опять под слово офицера?

– Жалеть потом не будете, Денис Анатольевич? – Барановский пытается вернуть себе утраченную инициативу. – Не сойдёте с ума от мысли, что могли спасти семью, но не сделали этого из-за тех людей, которые ещё вчера слыхом не слыхивали о капитане Гурове?..

Говорят, ничто так не способствует взаимопониманию, как данная вовремя и от души оплеуха... Оказалось – правда. Полкан встаёт, потирая правый «локатор», но перебивать меня больше не решается...

– Полковник, вы меня не убедили. И я не собираюсь никого выпускать. Для всех вас единственный выход из крепости – Невские ворота[4 - Невские ворота Петропавловской крепости, ведущие из цитадели прямо к водам Невы, в народе

называли «Воротами смерти». Их продолжением являлась гранитная пристань со ступенями, спускающимися в реку. Именно через Невские ворота по ночам выводили узников тюрьмы. Отсюда по воде их отправляли прямиком на каторгу или казнь.]. Компренэ ву, мон шер?..

– Денис Анатольевич, боюсь, что вы сейчас совершаете самую большую ошибку в своей жизни! – Барановский даже изображает искренне-соболезнующее выражение на мордочке. – Мне, простите, по-человечески жаль вас!.. Который час, не подскажете?

– Четверть второго...

– У вас есть ещё полчаса, не более. Если передумаете, приходите...

Полчаса, говоришь? Вполне хватит. По твоим правилам поиграли, теперь по моим будем играть. Так, где я там видел пустую казарму?..

Нахожу Фомича с бойцами и в двух словах объясняю, что именно от них требуется. Народ довольно ухмыляется и обещает не подвести. Отправляю их в нужный каземат и бегу в штаб предупредить, чтобы не волновались, и одолжить у охраны пяток Мосинок...

Когда через двадцать минут снова захожу в камеру к Барановскому, он изо всех сил пытается скрыть радостный блеск в глазах.

– Передумали, Денис Анатольевич? Я знал, что благоразумие возьмёт верх над эмоциями...

– Всех сразу я вывести не могу, это будет подозрительно. Так что, Владимир Львович, пока идём вдвоём. Я спрячу вас в укромном месте, потом приведу остальных.

А это – идея, их всех по очереди туда таскать! Если Келлер не вовремя не остановит...

Полковник понимающе ухмыляется, глядя на двух конвойных, затем выходит из камеры и заводит руки за спину. Ну-ну, ломай комедию...

Выходим во двор и шагаем в каземат. Барановский с интересом оглядывается по сторонам и даже прислушивается к стрельбе, периодически доносящейся из города. Заходим в казарму, бойцы сделали всё как надо. Нары перевёрнуты на бок и составлены так, что лежаки составляют сплошную стенку шириной метров на семь. Полковник, чуя что-то неладное, замедляет шаг и оборачивается, пытаюсь меня увидеть, но конвоиры хватают его под руки и толкают к «стенке», ворча:

– Давай! Шевели ногами!..

– Становись! – подаю команду пятёрке.

– Гы... Га... Господин капитан!.. Денис Анат... тольевич!.. О-объя-ясните, что это всё значит?!.. – Барановский уже догадывается, что сейчас будет происходить, и ему это очень не нравится. – Вы-вы... Не име-е-ете права!..

– Жаловаться будете? Ну, разве что дежурному чёрту... Бывший полковник Императорской армии Барановский, за участие в заговоре против государя императора вы приговариваетесь к расстрелу!.. Я бы тебя, сука, с удовольствием вздёрнул, но поблизости нет ничего похожего на виселицу...

– Не-е!.. Не-е на-ада!.. Нет!.. С-смилу-уйтесь!.. Де... Денис Анатольевич!..

– Молитвы помнишь? Давай, время идёт...

– Не-е на-ада! Нет!.. Не-е на-ада!.. – Барановский с ужасом смотрит на пятерых бойцов с винтовками в положении «К ноге». – Не-е... Не имеете права!..

– Не имею права? После того, что ты сказал про мою жену и дочь? Это я-то не имею права?!.. У меня был чёткий приказ – или арестовать вас всех, или, при невозможности доставить сюда, – ликвидировать. Так что будем считать, что ты оказал сопротивление при задержании. Или вообще тебя не было. Сейчас вот трупик дотащим до ближайшей проруби и – адью. В лучшем случае после ледохода всплывёшь где-нибудь... По частям... Не тяни время! Молиться, как я понимаю, ты не будешь. Глаза завязывать?.. Братцы, помогите ему!

Конвоиры подходят к Барановскому, заламывают ему руки, когда он начинает судорожно от них отбиваться, затем куском простыни завязывают глаза и возвращаются на место...

– Товсь!..

«Расстрельная команда» клацает затворами. Будущего «покойника» колотит крупная дрожь, колени подгибаются, он еле стоит на ногах. Но падать пока не собирается...

– Цельсь!..

Даже я чувствую, как секунды летят всё медленнее и медленнее...

– Пли!

Залп пяти стволов оглушительно бьёт по ушам. Вокруг «мишени» в деревянных лежаках появляются чёрные дырочки. Барановский оседает на пол так натурально, что даже я бы поверил, не то что какой-то Станиславский. Надо работать, пока не очухался!..

– Кто ваш главный?! Где он?! Как его найти?! Отвечать!..

– Я... Я не з-зна... Не знаю. К-как е... Его... Н-найти... – Полковник не сможет справиться с прыгающей челюстью.

– Братцы, поднимите его и привяжите как-нибудь. Чтоб целиться удобней было, – обращаюсь к конвойным.

Распятие из него изображать не стали, привязали руки к верхней ножке нар и оставили в позе «ныряющего человека».

– Последний раз спрашиваю: кто главный и где его найти? Не делай из меня дурака! Ни за что не поверю, что нет у вас экстренной связи! Даю минуту, потом расстреляю всерьёз. Веришь мне, сволочь?!..

– Я... Не-е... З-зна-аю...

– Пятьдесят секунд!..

– Ради... бога!.. Го... Господин кап-питан!.. Я не-е знаю!..

– Сорок секунд!..

– Нет! В-ы не... Не мож-жете... Вот так!..

– Тридцать!..

– Де-енис Анат-тольев-вич!.. Госп-поди... Д-да не з-знаю я!..

– Двадцать!..

– Эт-то бесче... Человечно... Т-то... Что вы... Де-делаете...

– Десять!..

– Н-ну ради-ди всего св-вято-ого! Н-не знаю!..

– Ты сам сделал выбор! Отделение, товсь! – Отхожу к бойцам. – Цельсь!..

– Я с-скажу!.. Я с-скажу! – Барановского прорывает диким криком. – Всё! Всё скажу-жу! Только не... Не стреляйте!..

Снова подхожу поближе и задаю два самых интересных вопроса:

– Кто? Где искать?

– Мих... Михаил Терещенко... Он... Он на квартире... Какого-то стихоп-плёта... Я по-помню адрес... У... Уб-берите с-солдат... Де-денис Анат-тольевич...

Пока конвоиры развязывают полковника, отправляю Фомича с его бойцами вернуть одолженные винтовки. Затем снова оборачиваюсь к «жертве произвола»... Ох, блин, а штанишки-то у него мокренькие! Перепугался,

бедолага. Вот сразу бы сказал, и ничего бы этого не было...

– Так, братцы, отведите его в камеру и найдите где-нибудь портки и подштанники. – Штаны-то не только мокрые, он же теперь всю тюрьму завоняет...

* * *

Далеко не каждый вечер у Бориса Александровича Энгельгардта был таким насыщенным и эмоциональным. Сначала пришлось разбираться с заграничными «друзьями», двое из которых вообразили, что Россия ничем не отличается от какой-нибудь индейской резервации и что любую бабу можно безнаказанно повалить на лавке. Но как только он прибыл на место «тайной вечера», злость на новых подчинённых и досада за закономерно последовавшее опоздание сменились искренней благодарностью Всевышнему за непредвиденную задержку. Правда, с некоторой примесью страха...

В доме не было никого. И там явно произошло что-то, не совсем поддающееся объяснению. Разбросанная мебель, гильзы на полу, оброненный кем-то портсигар... Во флигеле, где должен был размещаться отряд американских боевиков, картина была ужасающей. Внутри были только трупы. Свежие, ещё не успевшие хоть сколько-нибудь остыть. Судя по следам и разбросанным гильзам, их расстреляли через окна, а потом вошли внутрь и добили раненых, прострелив головы всем без исключения.

В гараже сиротливо стояли испорченные броневики, на которые, признаться, Борис Александрович рассчитывал, но... Не хватало проводов зажигания, оружейного замка и отсутствовали жизненно необходимые им сейчас пулемёты со столь же драгоценным запасом патронов. Кто мог сделать такое – Борис Александрович мог только догадываться. На секунду им овладела паника, но всё же он смог отогнать прочь ненужные и вредные сейчас эмоции. Да, они понесли определённые потери, ещё даже не начав бой. Но лишиться двух бронеавтомобилей и десятка опытных бойцов – это не значит потерпеть поражение. В его распоряжении еще достаточно сил, и, самое главное, вчера была достигнута договорённость с начальником Михайловского артиллерийского училища о совместных действиях. Доселе колебавшийся генерал Леонтовский, воодушевившийся беседой «на самом верху», обещал подать условный сигнал и вывести группу офицеров и юнкеров, чтобы ударить в

спину пикету на мосту. Да и у самого Энгельгардта в активе имелись восемь броневигов и личный «батальон». Около трёх сотен наёмников, разгитированных солдат, не желающих возвращаться на фронт «выздоровливающих» из госпиталей, пойманных дезертиров и прочего людского материала. Прорвавшись через Литейный мост, они возьмут штурмом «Кресты», освободив сидящих там и раздав им оружие из захваченного к тому времени Арсенала. Тот же Леонтовский обещал передать в его, Энгельгардта, распоряжение батарею училищных орудий, правда, без боекомплекта. Но в результате невероятных усилий полученные два десятка трёхдюймовых снарядов уже лежали в ящиках в одном из грузовых авто. Сколь бы ни была многочисленной охрана тюрьмы и оружейных складов, пушкам им противопоставить будет нечего.

Борис Александрович жестом подозвал поближе своего «ординарца», финна Тойво Вялсаянена, примкнувшего к «американцам» в одном из кабаков Стокгольма ещё по пути сюда:

– Возьми троих и приберись здесь. В гараже должен быть бензин. Потом догоняйте нас, пора выдвигаться.

Невозмутимый финн кивнул головой и отошёл к группе, стоявшей неподалёку и, видимо, обсуждавшей только что увиденное. А бывший депутат Госдумы и полковник Генерального штаба Энгельгардт двинулся навстречу своей судьбе...

Глава 5

Александр Анненский, юнкер Михайловского артиллерийского училища, сидел в курилке и, не замечая порывисто-леденящего ветерка, задувавшего с набережной на плац, бездумно смотрел в пустоту сквозь дым папиросы. Даже сегодняшние ошеломляющие события – арест начальника училища генерал-майора Леонтовского, командира 1-й батареи полковника Невядомского и ещё нескольких офицеров, который обсуждался во всех аудиториях, каморах[5 - Спальное помещение для юнкеров (сленг).] и курилках, оставил его совершенно безразличным. Два дня назад жизнь совершила крутой поворот, из-за которого он стал отверженным...

– Не помешаю, юнкер?

Саша рефлекторно попытался встать перед вошедшим в курилку незнакомым прапорщиком.

– Да не тянитесь, не на плацу.

Прапорщик достал из воронёного портсигара папиросу, раскурил её и только тогда с интересом посмотрел на юношу.

– Чего пригорюнился, парень? Случилось чего? – И речь, и внешний вид выдавали в нём выходца из нижних чинов, а два солдатских Георгиевских креста и одноимённая медаль ясно указывали на способ производства в офицеры.

Саша хотел ответить что-то нейтральное и тем самым избавиться от внимания назойливого собеседника, но в глаза ему бросился ранее незамеченный шифр на погонах. Императорская корона, буква «Н» и ещё ниже – «ОН» на погонах! 1-й отдельный Её Императорского Высочества великой княжны Ольги Николаевны Нарочанский батальон!.. Тот самый, о котором сложено множество легенд, одна другой неправдоподобней, но всё, что рассказывают – истинная правда!..

– Вы ведь с самого утра здесь? Скажите, если можно, конечно... за что арестовали?..

– Начальство ваше? – хитро усмехнулся прапорщик. – Да никто его не арестовывал. Знаете же, что генералов только по высочайшему указу можно... Просто пригласили их побеседовать...

Саша не сомневался, что его собеседник просто ломает комедию, не желая раскрывать какие-то свои секреты. Пригласили! Как же!.. Так не приглашают! И под конвоем не везут по городу. А солдат в том конвое ему удалось вблизи повидать. Сразу видно, не тыловые, не новобранцы, а бывалые и опытные фронтовики, которые себя называли почему-то...

– А почему солдат «янычарами» называли? – вопрос сорвался с языка неожиданно.

– Потому, что это – наша пешая штурмовая рота. – Собеседник выпускает клубы дыма и улыбается. – Их ротный командир так придумал.

– А кто ещё есть?..

– Ох и любопытный ты, парень!.. – Прапорщик весело смотрит на юнкера. – Да не менжуйся, секретов я тебе всё одно рассказывать не буду... А вот загадку загадаю. Есть у нас ещё «кентавры» и «призраки». Как думаешь, кто такие?.. Не знаешь?.. Подсказывать не буду.

– А вы сами как называетесь? – решил схитрить Саша.

– Да ты и слова такого не знаешь. И я допрежь не знал, пока батальонный нас так не стал называть... «Громозеки» мы.

– А... А кто это?

– А это такие чудища многорукие, и в каждой руке по пулемёту или по винтовке. А то и из пушки с рук могут стрелять. Нам командир тогда нарисовал, как они выглядят, по его мнению. Мы чуть животы от смеха не надорвали... Так, «зорю» слышал? Тогда почему ещё здесь?..

– Господин прапорщик!.. А можно я после отбоя приду? Всё равно спать не хочется.

– А дежурный?

– Не увидит никто... Мне б хоть с кем-то поговорить за два дня... Мне батарея бойкот объявила... – Саша неожиданно для себя признался в своём горе.

– Ладно, юнкер, беги, а то опоздаешь... – Прапорщик мгновенно стал серьёзным. – А потом, коль не спится, приходи. Правое крыло, класс на третьем этаже. Спросишь прапорщика Ермошина, позывной «Кот». Всё! Бегом марш!..

После отбоя прошло полчаса, которые, наверное, были самыми долгими в его жизни. Наконец Саша поднялся и, стараясь не шуметь, выскользнул из дортуара. Через десять минут, никем не замеченный, он зашёл в класс, где рядом с каким-

то странным агрегатом, стоявшим на сдвинутом в глубь аудитории учебном столе и накрытым шинелью, сидели давешний прапорщик Ермошин и двое солдат. То, что это была не вся команда, юнкер понял только тогда, когда из-за его спины бесшумно вышел ещё один солдат:

– Всё тихо, никого.

– Так, хлопцы, ружьё не трогать, петли ещё раз полить маслом и проверить, как открываются окна. Я – в курилке, поговорить вон человек пришёл.

– А если попрутся?

– Нет, отмашку всё равно мы даём, рано ещё...

* * *

– ...В тот вечер мы впятером под командой поручика Спицына патрулировали улицы – в городе по вечерам было неспокойно из-за сбежавших уголовников. А начальник училища разрешил выставять только один патруль... Мы уже прошли тот злополучный доходный дом, когда сзади посыпалось стекло и кто-то закричал: «Помогите!»... Голос был детский... Поручик не растерялся и тут же отправил троих, в том числе и меня, к чёрному ходу. Развернуться и забежать во двор было делом нескольких секунд. И как раз вовремя, из подъезда прямо на нас выскочили две фигуры. Один в грязной шинели без погон, другой в каком-то полушубке... Я от неожиданности растерялся и, забыв о том, что в руке винтовка, уложил бегущего впереди прямым слева в челюсть... Английским боксом когда-то занимался...

Второго налётчика сбили на землю прикладами. Я оставил товарищей вязать пойманных, а сам рванул вверх по лестнице, добежал до открытой двери на втором этаже, заскочил внутрь и открыл парадную дверь. Поручик Спицын был уже на площадке... Зашли в комнату, а там... На полу лежала пожилая дама, рядом с ней – мальчишка лет десяти... Его ударили чем-то по голове, рана была большая, и кровь сильно текла... А даму... Я только потом понял, что за пятно было у неё на платье... Спицын сказал, что, скорее всего, чем-то вроде длинного шила её ударили. Прямо в сердце... Он послал двоих, что с ним были, за дворником и доктором и стал перевязывать голову мальчику... А мне сказал

осмотреть другую комнату. Я туда вошёл... – Саша зажмурился и помотал головой, стараясь прогнать нахлынувшие воспоминания. Затем машинально взял из подставленного прапорщиком портсигара папиросу, подкурил её и продолжил: – Там... Там на кровати... Там барышня... Девочка... Лет четырнадцати... Её привязали наподобие андреевского флага... Рваная ночная сорочка... Совсем рваная, в лоскутки... Кровь на животе, на бёдрах... Закушенные губы... И взгляд... Она так на меня смотрела!.. Как будто... Я никогда не видел такого взгляда!.. Я перочинным ножиком обрезал верёвки, накрыл её каким-то покрывалом или пледом... Я не помню... А она лежит и смотрит на меня!.. А я...

– Так, парень, подожди-ка... – Прапорщик достал из кармана фляжку и, открутив крышку, протянул юнкеру. – На-ка, глотни антишокового...

Водка обожгла рот и пищевод, маленьким горячим взрывом расползлась по желудку, ударила в голову.

– ...Я... Я сказал Спицыну, что там... барышня, она жива, но туда не нужно ходить... Он сразу всё понял...

– А потом?.. Из-за чего весь сыр-бор?

– Поручик сказал, что нельзя никому говорить о том, что произошло в той комнате. Честь офицера... Нельзя позорить барышню... А потом я пошёл вниз, там уже собрались какие-то жильцы, эти двое стояли возле стены. У них при обыске нашли наградные часы штабс-капитана Татарникова. В квартире были его дети и мать...

– А супруга-то его где была?..

– Она на дежурстве в госпитале. За ней послали... Потом поручик объявил, что согласно приказу командующего округом их расстреляют. А тот, главный, стал кричать, мол, что мы обиделись, что с нами девкой не поделились... Я понял, что он всё сейчас расскажет!.. И ударил его штыком в живот. Потом ещё и ещё!.. И другого тоже!.. Я не помню, сколько раз я их... Очнулся от выстрелов рядом. Поручик из нагана пристрелил обоих, чтобы не мучились...

– ...А потом что?.. – Прапорщик дождался, пока Саша снова закурит. – Из-за чего бойкот-то?

– Да... Потом, в батарее те, с кем был, рассказали всё, что я делал. И потребовали объясниться. А я не имею права говорить!.. Есть у нас портупей-юнкер, бывший помощник присяжного поверенного. Он во всеуслышание заявил, что я – преступник и психопат, удовлетворяющий свои садистские замашки, доставляя пусть даже и преступникам страшные мучения, вместо того чтобы просто их застрелить. А потом предложил объявить мне бойкот, чтобы я написал рапорт об отчислении...

– А ты всё равно молчишь? Сколько, два дня уже?.. Ну, ничего, нам эту ночь пережить, а там и с твоим адвокатишкой разберёмся. Спать не хочешь?.. Ну, тогда пошли...

* * *

Разговор с доброжелательно-понимающим человеком после двух суток всеобщего молчания вкупе с «антишоковой» дозой водки расслабили Сашу, и он сам не заметил, как его сморило. Очнулся от негромких команд, лязга железа и свежего ветерка с улицы. Шинель с замеченного ранее странного устройства была скинута, и юнкер увидел незнакомое ружьё с толстым стволом на станке-треноге, возле которого возился прапорщик с одним из солдат. Двое других устроились возле уже открытого окна, причём у обоих Саша заметил на винтовках оптические прицелы. Но его ум больше занимало ружьё на станке, и он, встав со своего места, хотел подойти поближе, но был остановлен прапорщиком:

– А вот теперь, юнкер, не мешай, не до тебя. Скоро они через мост попрутся, их остановить надобно, и не абы где, а в нужном месте... Сядь где-нибудь. И товарища вон своего присмотри... – Не оборачиваясь, Ермошин показал рукой на бесформенную грудку, накрытую портьерой.

Заинтересовавшись, Саша откинул край тяжёлой ткани и несколько секунд озадаченно смотрел на наполовину тёмное, наполовину белое даже при таком скудном освещении лицо, пока не признал своего врага, того самого портупей-юнкера Гершевина, который и был инициатором травли. И тут же сообразил, что разница в цвете была обусловлена громадным синяком, расползающимся по

левой половине лица. Увидев Сашу, тот визгливо промычал нечто нечленораздельное заткнутым портянкой ртом и попытался отодвинуться подальше, но связанные руки и ноги остановили этот процесс в самом начале.

– А как вы его?..

– Так он сам к нам и пришёл. С фонариком, – обернувшись, негромко ответил один из изготовившихся стрелков, – чтобы сигнал мятежникам подать. А нас увидел, спужался да прочь кинулся. Тока вот не рассчитал маненько, мордой своей об дверной косяк и приложился.

Улыбка и тон, которым это было сказано, натолкнули Сашу на мысль, что всё произошло не совсем так, но уточнять он не стал.

– А про сигнал?.. Вдруг он совсем по другой причине тут?

– Да не... Он сам нам сказал. После того, как Котяра... Виноват, прапорщик Ермошин с ним в сказку поиграл. – Говоривший теперь откровенно веселился, коротая время.

– Петюня, хорош трепаться... – Колдуя над оптическим прицелом, предостерёг прапорщик, правда, не очень строгим тоном.

– Так я и не треплюсь, правду, как есть, рассказываю... Нам батальонный наш, капитан Гуров, как-то рассказывал не то байку, не то сказку про воина однова. Его Железным Арни звали. Так там как-то раз враги евонную дочку скрали. А к нему человечка своево подослали, мол, убьёшь для нас вот такого-то князя, мы тебе девчонку-то и отдадим. А он етого человечка за ногу над обрывом поднял и держал, пока той не сказал, где злодеев искать... Сильный был... Говорит, думай быстрее, я ж тебя левой рукой держу, она у меня слабее будет... Вот его благородие господин прапорщик тако же и с етим поступил. Высунул в окно и дал понюхать невского ветерка вниз головой. Тока двумя руками держал...

Их беседу прервало появление незнакомого Саше чернявого поручика, также носившего погоны Нарочанского батальона. Только спустя несколько секунд он вспомнил, что именно этот офицер «приглашал на беседу» училищное начальство.

– Ну, что, орлы, готовы? Фёдор Иванович, ты как?

– Готов, Димитр Любомирыч.

– Так, а это кто? – Поручик только сейчас разглядел лишнего человека.

– Я его привёл. Разговорились в курилке. – Прапорщик опередил вскочившего и собравшегося представиться Сашу. – Дело у него серьёзное...

– Кот!.. – В голосе поручика слышалось недовольство. – А если?..

– Против нас четверых? Ну он же не самоубиец. А по тому делу другой припёрся, вон, валяется. – Ермошин кивает на тело под портьерой. – Сигнал подать хотел к шухеру.

– Живой?

– Конечно. Я ж помню, что командир говорил... Сигнал-то мы сами подали... Только правильный. Сейчас должны уже появиться.

– Добро. Я проверю растяжки на баррикадах и – в Медицинскую академию, к пулемётчикам. Господин юнкер, следуйте за мной. Провожу через посты, чтобы недоразумений не было. – Поручик, увидев недоумение, пояснил: – Все каморы блокированы моими солдатами. До конца боя никто не имеет права выходить под угрозой применения оружия.

– Но как же так! Мы же!..

– Вот так, юнкер, только так. Тем более, сами видите. – Поручик носком сапога легонько пнул тело под портьерой. – Так что не возражать и следовать за мной!

– Едут... Включили фонари... Два броневика уже на мосту... – негромко доложил один из стрелков. – Ещё два...

– Фёдор!.. Иванович...

– Вижу. – Прапорщик приник к оптическому прицелу, стараясь рассмотреть подробней. – Серёнька – окошки.

Его второй номер бесшумно распахнул оконные рамы, стрелки последовали его примеру. Поручик, стоя рядом, сосредоточенно разглядывал мост в бинокль...

Глава 6

– Фсё ф порят-тке. Они пода-али нуш-шный сигнал. – Тойво Вялсйнен подошёл вплотную к полковнику Энгельгардту. – Мош-шем еха-ать.

Борис Александрович мысленно перекрестился, глубоко вздохнул и скомандовал стоявшим рядом командирам групп:

– Выдвигаемся!..

Первыми на мост заехали три «Ланчестера» с пушками Гочкиса – ударный кулак их отряда, который должен был разобраться с двумя пулемётами на том конце моста. Мешки с песком, которыми их обложили, да и невысокие баррикады, перекрывавшие съезды с моста и Нижегородскую улицу, не должны были стать серьёзной преградой для 37-миллиметровых снарядов. За ними попарно ехало четыре разномастных броневики с одним или двумя пулемётами. Это было всё, что удалось стащить из-под носа у келлеровцев и спрятать в маленьких частных мастерских. Был еще и «Пирс-Арроу», вооружённый противотанковой трёхдюймовкой, но этот козырь Борис Александрович оставил на самый крайний случай. Тем более что на мост он не должен был въезжать, оставаясь в резерве. За бронеавтомобилями двумя колоннами шла повзводно его «армия революции».

В темноте ни Борис Александрович, ни кто-нибудь ещё, кто при всём желании не мог заметить, как, проезжая мимо остатков баррикады, в большинстве своём состоящей из бочек и каких-то полуразбитых ящиков, передний бронеавтомобиль зацепил крыльями и тут же оборвал незаметную леску, натянутую поперёк моста. Привязанный к ней кирпич, не удерживаемый более ничем, ухнул вниз, попутно выдёргивая тёрочный запал из небольшой петарды, прикрепленной под мостом. Вспыхнув на мгновение яркой точкой в темноте, она

погасла, но сигнал увидели те, кому он предназначался. Лежавший в не приметном «занорыше» фельдфебель прилип к окопному перископу, отслеживая втягивающуюся на мост колонну пехоты, а расположившийся рядом унтер, перехватив поудобнее бечёвку, легонько её натянул, выбрав свободный ход...

Глядя на это скопление мусора, Борис Александрович усмехнулся. Наблюдатели докладывали, что со вчерашнего вечера келлеровские бандиты пытались разобрать баррикаду, скорее всего для того, чтобы иметь свободный проезд на Выборгскую сторону. Что-то оттаскивали телегами, что-то вывозили... А сыграли на руку ему, полковнику Энгельгардту, имевшему теперь возможность запустить броневики по два...

Со съезда на Арсенальную вразнобой ударили винтовочные выстрелы, рассыпалась очередь из «максима». Но всё это перекрыл грохот пушек, стоявших на броневиках. В узенькую смотровую щель не было видно, что именно там происходит, но Борис Александрович был уверен в успехе. Что тут же подтвердилось громким взрывом и мгновенно разгоревшимся пожаром на набережной. Пренебрегая опасностью, полковник откинул бронезаслонку и увидел бегущие прочь фигурки защитников моста, отлично подсвеченные пламенем. «Пехота», шедшая позади, поддавшись азарту охотников, видящих ускользающую дичь, стала стрелять по беглецам, но без особого успеха.

«Идиоты! Зазря пожгут патроны, которых не так уж и много», – со злостью подумал Борис Александрович и хотел уже крикнуть, чтобы прекратили стрельбу, но в этот момент в глубине одного из окон на третьем этаже Михайловского училища сверкнула вспышка, тут же донёсся звук выстрела, и один из передних броневиков остановился как вкопанный...

* * *

Поручик не стал дожидаться начала боя и увёл Сашу с собой. Но когда они дошли до конца коридора, из класса, где они только что были и где остался прапорщик со своими солдатами, донёсся звук пушечного выстрела, а спустя несколько секунд – приглушённый взрыв, заставивший их стремглав броситься обратно.

Подоконника больше не существовало. От него остались только пучки щепок, торчащих с двух сторон там, где он недавно был. Но самое худшее было в том, что прапорщик пытался перебинтовать рану на лбу, ругаясь сквозь зубы и не обращая внимания на кровь, заливающую глаза. Его второй номер неподвижно лежал на полу, невидящие уже глаза смотрели в потолок, из шеи торчала щепка длиной в палец. Под ногами скрипело битое стекло, его же пытались стряхнуть с себя стрелки-снайперы.

– Я помогу! Я умею! – Саша бросился к прапорщику и, перехватив бинт из его руки, стал накладывать тур за туром, как когда-то учила его Полинка, служившая сестрой милосердия в госпитале.

– Твою мать!.. Серёнька!.. Нарочь прошёл, Барановичи, а тут... Ну, суки, за всё щас ответите! Хорош, заканчивай!..

Юнкер едва успел завязать концы бинта, как Кот приник к прицелу и почти тут же бахнул заложивший уши выстрел. Саша увидел, как башня одного из броневиков дёрнулась и кургузый ствол беспомощно задрался вверх.

– Патрон!.. Не спи, юнкер!.. – Рык прапорщика заставил Сашу оглядеться вокруг и достать из деревянного ящичка длинный латунный патрон-снаряд с остроконечной пулей.

– Вот сюда!.. Вот так!.. Закрывай!.. – Ермошин молниеносно зарядил ружьё, перекинул его, как пушинку, на другой стол, и через секунду второй броневик, пытавшийся объехать замершего собрата, получил тяжёлый удар, качнувший его на рессорах, и замер рядом, перегородив путь остальным.

– Патрон!..

На этот раз Саша был готов, гильза скользнула в патронник, затвор клацнул, закрываясь. Секунда на прицеливание, выстрел, и ствол пушки броневика дёрнулся от попадания.

– Патрон!..

Откинуть затвор, уворачиваясь от вылетающей горячей гильзы, вложить новый патрон, затвор на себя до щелчка... Юнкер сделал всё быстро и правильно... Выстрел!.. Следующий броневи́к начал отворачивать в сторону, пока не упёрся колесом в перила и не заглох... На этот раз Саша без команды перезарядил ружьё и – новый выстрел. От удара башню дёрнуло в сторону, и пулемёт неподвижно целился куда-то вдоль Невы...

С моста пристрелялись, пули всё чаще стали залетать в открытые окна, глухо чпокая в штукатурку и сбивая на пол таблицы и портреты, украшавшие стены. Откуда-то неподалёку, скорее всего, из Медицинской академии, в перестрелку вступили два пулемёта, Саша сразу узнал по звуку ровные строчки «максимов». Мятежники начали дуэлировать с новыми противниками, тем временем прапорщик мгновенно выглянул в окно, затем последовала быстрая команда:

– Патрон!..

Клацнул затвор, прапорщик выждал несколько секунд, затем поднялся. Новый выстрел и привычная уже команда:

– Патрон!..

Снайперы перебегают от окна к окну. Улучив момент, мгновенно стреляют, спустя несколько секунд несколько запоздалых пуль впадают туда, где они только что были. А их выстрелы грохочут уже из других мест.

– Да что они там тянут! Заснули, что ли, мать их перетак и разэтак?!.. – рычит Ермошин. И, как будто услышав, в ответ ему с улицы раздаются непривычные Сашину уху выстрелы-хлопки. Огонь по окнам ослабевает, и он выглядывает в окно. Внизу, на набережной, под защитой гранитного парапета расположились три расчёта с диковинными... Юнкер не поверил своим глазам! Оружие более всего походило на гигантские и почему-то бронзовые револьверы с очень короткими стволами и загнутыми вверх прикладами из железного прута на таких же треногах, что и ружьё прапорщика.

– Что это?!

– Гранатомёты. Наша батальонная придумка...

Саша, пренебрегая опасностью, снова высовывается из окна. Наводчик, чуть смещая точку прицеливания, даёт очередные пять выстрелов. Первая граната залетает под мост, вторая рикошетит от перил, остальные три кучно накрывают мятежников, спрятавшихся за подбитыми броневиками. Оставшиеся в живых пытаются отбежать от летящего железа, но опять грохочут выстрелы снайперов, и несколько тёмных фигур падает и больше не поднимается...

– Кот!!! Тот берег!!! Броневик!!! – вдруг кричит один из стрелков.

– Твою маман!!! Трёхдуюмовка!!! – Ермошин, не обращая внимания на стрельбу, пытается выцелить нового противника. – За парашетом, гад, прячется!.. На, сука!.. Патрон!..

На первом этаже рывкает горное орудие, снаряд попадает в гранитную плиту рядом с мостом, непоправимо её изуродовав. Тут же «от медиков» бахает вторая пушка, и башня броневика исчезает в пламени взрыва.

То, что случилось через какие-то мгновения, запомнилось Саше, наверное, на всю жизнь. На мосту вспух, разбрасывая далеко вокруг себя брызги жидкого пламени, гигантский вулкан нового, гораздо более мощного взрыва...

Это потом, помимо воли понижая голос от подспудного страха, представители арт-бомонда и интеллигенции будут, захлёбываясь праведным гневом, рассказывать друг другу о том, как палач-изувер Келлер в буквальном смысле огнём и железом выжигал свободомыслие в столице. А в этот миг... Два добровольца-подрывника понимают друг друга без слов. Фельдфебель, оторвавшись от перископа, хлопает унтер-офицера по плечу, тот резко натягивает бечёвку, выдёргивая чеку, отлетает в сторону предохранительная скоба и хлопает гранатный запал. Мгновенно срабатывают детонирующие шнуры, прикреплённые к КД-шкам, вставленным в тротилловые шашки. Ящики, из которых состояла баррикада, взорвавшись, выбрасывают вдоль моста мелкую щебёнку, «сечку» из гвоздей, кусков проволоки, старых срубленных заклёпок и прочего железного мусора, который только можно было найти в слесарных мастерских и механических цехах. Картину апокалипсиса дополняют взрывы двух пятиведерных бочек с загущённым бензином, щедро оросившим людей на мосту огненным дождём, который не так-то и легко оказалось потушить...

Неожиданный удар привнёс панику в ряды «борцов за светлое будущее», а последовавший тут же залп картечи двух горных трёхдюймовок окончательно сломил их волю к сопротивлению. Стрельба со стороны моста прекратилась, а спустя полминуты над одним из броневинов поднялся флаг капитуляции – солдатская нательная рубаха, привязанная к винтовке...

– Тойво, отбери человек пять самых надёжных, надо уходить! – Борис Александрович попытался перекричать крики раненых и обожжённых. Но финн на этот раз сделал по-своему. Зайдя за спину Энгельгардта, он ребром ладони резко ударил того по затылку, подхватил обмякшее тело и объяснил рядом стоящим:

– Эт-то наш единственный коз-зырь, чтоп-пы остат-ться сейчас живым-ми...

Глава 7

Сердце отчаянно колотилось в груди подобно птице, залетевшей в дымоход. Прижавшись спиной к рекламной тумбе и стянув зубами с руки перчатку, Терещенко достал из кармана верблюжьей охотничьей куртки смятую пачку папирос и, сломав дрожащими руками несколько спичек, закурил. Поворачиваясь спиной к ветру, он поскользнулся и чудом удержал равновесие.

«Вот ведь мерзавцы! – с негодованием подумал он о дворниках. – Попрытались, как тараканы, по своим каморкам, а тротуары кто чистить будет?»

Папироса закончилась быстро, и, отбросив в сторону окурков, он осторожно выглянул из-за тумбы. Черт возьми! В конце квартала опять замаячил патруль юнкеров. Скоро они подойдут совсем близко, увидят его и... Никаких иллюзий на этот счёт Михаил Иванович не питал. И прекрасно понимал, что его инкогнито закончится в ближайшем полицейском участке, где уже наверняка есть его фото.

Юнкера зашли в один из дворов, и Терещенко ещё раз огляделся вокруг, высунувшись из-за тумбы. Вот! Вот она, надежда на спасение!..

На этот раз, мысленно благословив саботаж дворников, он метнулся в ближайшую подворотню с гостеприимно распахнутой калиткой. Выждав, пока стихнет скрип снега под сапогами и негромкий разговор, приправленный добродушным армейским матерком, Михаил Иванович продолжил свой путь в сторону Малой Морской улицы. Императорский яхт-клуб был последней надеждой на спасение и возможностью покинуть ставший столь опасным Петроград...

– Господи, за что? Ведь как всё хорошо начиналось! – рассуждал по пути сам с собой несостоявшийся министр финансов всея Руси, а в перспективе и кормчий внешней политики империи. – Не нужно было никуда бежать, нужно было просто сидеть в уютной квартире на Миллионной рядом с любимой Марг и отмечать на карте Петрограда ход выполнения если не гениального, то как минимум хитроумного плана «по освобождению народа от тирании Николая Кровавого», разработанный с математической точностью не без личного участия самого Михаила Ивановича и одобренного влиятельными друзьями из британского посольства и французской военной миссии.

Люди, как послушные марионетки, выходили на демонстрации, требуя хлеба; воодушевлённые и раздувшиеся от гордого осознания причастности «к великому делу» студенты швыряли булыжники в витрины булочных и магазинов, а при появлении полицейских переносили «камнепад» в сторону «держиморд и сатрапов». Тем более что рядом всегда находился десяток крепышей с кастетами и браунингами в карманах, готовых отбить героических юношей от жандармов.

Молодые солдаты из запасных батальонов, панически боявшиеся отправки на фронт, охотно слушали агитаторов из числа «политических» или дезертиров и, подогретые денатуратом, стреляли в своих офицеров, отрезая тем самым себе путь к отступлению. Освобожденные из домзака уголовники, мгновенно нацепив красные банты, занялись своим излюбленным делом – грабежами и насилием, называя теперь их по-революционному «экспроприацией и социализацией», а заодно не отказывали себе в убийствах полицейских просто так, из мести к «фараонам». Столица неуклонно сползала в кровавый хаос анархии, безуспешно ожидая хоть от кого-нибудь наведения порядка.

Даже прибытие в Петроград генерала Келлера, известного своей преданностью престолу и способностью железной рукой восстанавливать правопорядок, поначалу не показалось опасным. Тем более что великий князь Кирилл

Владимирович, обнадёженный обещаниями некоторой части думцев поддержать его намерение занять трон, должен был, захватив Царское Село, выбить у Николая отречение и тем самым лишить легитимности все указы регента Михаила и обвинить прихвостня-генерала в государственной измене...

И что в результате? Полное фиаско... Терещенко после двух первых дней, когда от успеха уже начинала упоённо кружиться голова, вдруг ощутил себя в роли шахматиста, каждый ход которого заранее просчитан противником. Идёт постепенное, но неуклонное выбивание наиболее важных фигур, а сам он находится под угрозой мата.

Кто же стоит за генералом?! Не может быть, чтобы тупой солдафон смог переиграть финансового гения и баловня фортуны! Кто?!..

Из квартиры на Миллионной пришлось уйти. Возвращаясь с небольшой прогулки, Михаил Иванович заметил, что все подходы к дому блокируются военными и жандармерией, и командуют этим процессом, скорее всего, господа из контрразведки, которые получили весьма широкие полномочия. И ему оставалось только надеяться, что они, эти полномочия, не распространятся на Марг и ребёнка.

Пришлось перебраться сначала к Мережковскому и Гиппиус, но после явно выражавшейся антипатии к «грубой физиологии речей вашего ужасного Керенского», – на последнюю запасную квартиру, хозяин которой, непризнанный, но с гигантскими амбициями поэт с уклоном в символизм, охотно пустил на постой месье Мишеля, «удивительно точно понимавшего потребности души мятежного пиита в стимулировании вдохновения», а посему щедро доставлявшего чистейший германский героин.

Там были припасены даже дрова и консервы, вполне достаточное количество, чтобы продержаться, пока неугомонный генерал не свернёт себе шею. Но эти надежды растаяли подобно маслу на сковороде. Петропавловская крепость, арсеналы, мосты, тюрьмы, банки, почта и телеграф были вмиг взяты под контроль келлеровцами, против демонстрантов бросили не сопливых деревенских Ванек, а спаянных железной дисциплиной фронтовиков, слезоточивый газ также оказался очень неприятным сюрпризом, рассеивающим сколь угодно агрессивную толпу практически без кровопролития. Помимо всего прочего в Петрограде оперативно распространялись прокламации, отпечатанные в типографиях предателя Сытина, адресованные как обывателям,

так и восставшим. Причем симпатии горожан явно были на стороне келлеровцев, ибо там, куда ступала их нога, воцарялся порядок, а отпечатанные и развешенные на афишных тумбах фото неумолимого наказания душегубов в виде расстрела или повешения, с обязательным указанием даты, места и сути преступления, вызывали горячее одобрение у большей части населения...

Попытка покушения на великого князя Михаила с треском провалилась. В автомобиле регента погибли только его супруга графиня Брасова и ее семилетний сын Георгий.

«Идиоты! – продолжал вести беззвучный монолог Терещенко. – Павлины, любующиеся своим красноречием! И не могущие организовать вообще ничего! Теперь у Михаила устранена причина, лишаящая его права на наследование трона, а желание отомстить за смерть жены и сына делает его вдвойне опасным и непредсказуемым!..»

Келлер подавлял уже последние очаги сопротивления, все пути бегства из Петрограда были блокированы. Слава богу, верный человек сумел предупредить, что и с этой квартиры надо убраться. И он, один из богатейших людей России, превратился в загнанного зверя, изгоя, пугающегося троих-четверых мальчишек с погонями юнкеров на плечах...

– Ну нет-с, господа, так просто меня не взять! – бормотал под нос Терещенко, приближаясь к заветной цели – зданию яхт-клуба, где его должен был ждать Николай Евгеньевич Фельтен. Имя этого неординарного человека, горячего поклонника яхт и не менее ярого приверженца Льва Толстого, с тысяча девятьсот седьмого по тысяча девятьсот девятый год часто появлялась на страницах либеральных газет.

Он прославился своими рейдами: летом – на яхте, а зимой – на буере в Финляндию, где печатались запрещённые в империи брошюры без сомнения великого писателя, но увы, на закате жизни возомнившего себя не менее великим политиком. Ему удалось сделать немало контрабандных рейсов, оставляя с носом пограничную стражу. Но в итоге Николай Евгеньевич всё же отсидел почти полгода в крепости и был выпущен под весьма внушительный залог в пять тысяч рублей, внесенный кем-то из его влиятельных покровителей, но с запретом покидать территорию Санкт-Петербургской и сопредельных губерний.

Естественно, что Фельтен сохранил неприязненное отношение к полиции, которое постепенно перенёс на государство в целом, и за это был весьма популярен в среде либеральной интеллигенции – писателей, артистов и прочей богемной публики. Именно здесь, уже после августа четырнадцатого, с ним и познакомился Терещенко. Взаимная любовь к парусам позволила им подружиться, а если учесть, что предусмотрительный миллионер выделил достаточно кругленькую сумму на строительство яхты и буера, вполне объяснимо, что у них сложились достаточно доверительные отношения...

Уже из здания яхт-клуба Михаилу Ивановичу удалось сделать короткий телефонный звонок доктору Хавкину и попросить прислать санитарный автомобиль. Именно в нём Терещенко и Фельтен, переодевшись в санитаров, сумели добраться до Стрельны. Расчёт на то, что санитарка с номерами военного ведомства не вызовет подозрений, вполне оправдался.

Именно там, в мастерских яхт-клуба, и находился заветный ледовый буер, носящий символичное имя «L'espoir» («Надежда»). Остаток ночи прошёл без происшествий. Сидя возле печки в буфетной, Михаил Иванович сумел ясно и доходчиво объяснить Фельтену, что он просто обязан спасти не столько самого Терещенко, но в его лице надежду на победу угнетённого народа над царским режимом. В его трактовке регент Михаил был фантазмагорической реинкарнацией Ивана Грозного, Петра I и Николая I одновременно, действия генерала Келлера – точной копией зверств карательного отряда генерала Меллер-Закомельского в тысяча девятьсот пятом. В общем, семена упали на подготовленную почву, и рано утром, тепло одетые, они уже сидели в буере, который его друзья – яхтсмены Стрельнинского парусного клуба – перетянули на лёд Финского залива.

– Ну-с, с Богом! Поехали!..

Буер, не спеша двинувшись, постепенно набирал ход. Паруса упруго натянулись и даже, казалось, слегка позванивали. Когда они отделились от причала уже сотни на две шагов, там началась какая-то неразбериха, появились военные, и прозвучало несколько выстрелов.

– Опоздали, господа жандармы! – весело оскалившись, прокричал Фельтен. – Нас вам уже не достать!.. Скоро наберём узлов двадцать. Обедать, Мишель, будем уже в Великом княжестве Финляндском. Вот только отойдем подальше от берега – там лед покрепче, и понесёмся стрелой.

Терещенко с облегчением откинулся на спинку сиденья и, прикрыв глаза, предался прерванным размышлениям, сильный вымпельный ветер не позволял погрузиться в дрему.

«Чухонцы не выдадут, – думал Михаил Иванович. – Нужным людям уже намекнули, что после свержения царя в княжество вернут все привилегии, а в будущем возможно обсуждение вопроса и о полной независимости от России».

На пристани между тем неразбериха улеглась, закончившись пуском трёх красных ракет. А через несколько минут одновременно с обеих сторон раздался всё усиливающийся характерный треск, напоминающий работу двигателя аэроплана. Терещенко и Фельтен, не сговариваясь, обшаривали взглядами небо в поисках возможной угрозы. Сброшенная бомба или несколько горстей флешетт могли уничтожить ледовую яхту вместе с пассажирами.

– Черт возьми! Не летают аэропланы в таких облаках! – прокричал Фельтен.

И действительно, в небе никого не оказалось. Вместо этого, стремясь взять буер «в клещи», сзади мчалась пара аэросаней. Пока казалось, что судьба благоволит беглецам, их «L'espoir» набирала скорость и вот-вот должна была вырваться из захвата. Николай Евгеньевич, выкрикивая ругательства и угрозы в сторону погони, даже ухитрился, управляя только правой рукой, левой продемонстрировать едущим сзади кукиш.

Жирную точку, а точнее, многоточие на надежде спастись поставила пулемётная очередь, которая почти перебила мачту и разлохматила парус. Буер зашёл в крутой вираж, оторвался левым полозом ото льда и перевернулся на бок.

Последним, что сохранилось в памяти теряющего сознание Терещенко, был стихнувший треск мотора, скрип снега под ногами подходивших людей и брошенная кем-то непонятная фраза: «Ну, Пашка, молоток. С первой очереди попал. Вашбродь, что – пакуем голубчиков?»

– Рад, что вы наконец-то появились, Денис Анатольевич. – Келлер выглядел уставшим, однако от этого не менее суровым, но справедливым. – Кстати, у меня два вопроса. Просто так, из чистого любопытства... Что вам, господин капитан, строжайше было приказано и куда вы вместо этого так внезапно и загадочно исчезли?

– Появилась информация, которую надо было срочно проверить.

– Да? И настолько важная?

– Вероятное местонахождение Терещенко. Барановский сдал...

– И где он? – Генерал тут же забыл про своё ехидство.

– Ушёл где-то за полчаса до нашего приезда. Осторожный, сволочь! Нюх у него на опасность.

– А где обитал?

– Сначала у Мережковского с Гиппиус, потом съехал к какому-то рифмоплёту-наркоману.

– Почему сами не остались и не послали кого-нибудь другого?

– Потому что Котяра... прапорщик Ермошин и поручик Стефанов отсутствовали, вели бой на Литейном мосту. Мне надо было старшего унтер-офицера Паньшина отправить? Чтобы он там дров наломал? Я его здесь оставил за старшего с тремя «пятёрками» резерва. Как вести бой в городе, он знает, а вот как разговаривать с людьми искусства – нет.

– Угу-м, а вы знаете... Они живы хоть, эти гении?

– Кто?.. А, да. У Мережковского руки завтра-послезавтра перестанут трястись, а вот мадам Гиппиус теперь декламировать свои стихи будет с лёгким заиканием. А насчёт пиита – когда мы его взяли, он уже под кайфом был. Перепутал нас с гигантскими тараканами, вылезающими прямо из пола и стен.

– Ладно, признаю действия верными. – Генерал с силой провёл ладонями по лицу, будто стараясь стереть усталость, затем крикнул своего неразлучного денщика: – Прохор, будь добр, свари нам с господином капитаном кофейку, только покрепче... Устал что-то...

– Фёдор Артурыч, новости из Москвы есть?

– Есть. Начну по степени важности. Ваша семья и Институт в целости и сохранности. Были, есть и будут. Нападение планировалось, но до ворот эти энтузиасты не дошли. Подробности узнаете завтра... Точнее – сегодня утром. От своего Михалыча...

От кого?!.. От Михалыча?!.. Та-ак!.. Это значит что?.. Что у нас будут гости! Да ещё какие!..

– Судя по выражению лица – уже догадались, что приезжает великий князь Михаил, – констатирует очевидный факт Келлер. – По просьбе вдовствующей императрицы и Николая. Будут хоронить Аликс. Пока шли бои, не до того было. Забальзамировали, запаяли в цинк и в домовую церкви оставили.

– Что так?

– Не так всё просто, Денис Анатольевич. Необходимо создать «Печальную комиссию», тщательно обговорить всю церемонию, пошить специальные траурные одежды... Это у простых людей на третий день похороны с поминками. А тут ещё даже не решили, где её величество должна упокоиться.

– Насколько я знаю, тут в крепости собор-усыпальница ещё со времён Петра Великого...

– Да, только вы же знаете, как относились все эти родственнички к супруге императора. Кто-то ещё осенью высказался, что в случае кончины она должна быть похоронена в Александро-Невской лавре.

– Там же только попы и министры!.. Титул «ея величества» носила? Носила. Значит – Петропавловка... А кто не согласен, того можно и в лавре закопать. А то и под забором. За сортиром.

– В том-то и дело, что им положено быть закопанными здесь, но в другой усыпальнице... А если серьёзно, то в Семье наступает раскол. С очень возможным кровопролитием... Ладно, об этом позже...

– Что позже, что раньше... Мы за кого играем? За белых или за чёрных?

– И кого же капитан Гуров относит к белым?

– Регент, наследник, император, княжны, принц Ольденбургский... Возможно – вдовствующая императрица. Соответственно, чёрные – все остальные, кто что-нибудь вякнет против их единственно правильных решений.

– Мне бы вашу уверенность, Денис Анатольевич. – Келлер тяжело вздыхает, но оживляется при виде Прохора с ароматно парящим кофейником на подносе. – Благодетель ты наш, Прохор свет Иваныч! Спасибо!.. Давайте, господин капитан, по чашечке, и можете потом отдыхать. Предварительно уведомив дежурного о местонахождении и не далее, чем в трёх минутах ходьбы отсюда...

* * *

Выспаться всё равно не удалось, да и спать не очень-то и хотелось. Под утро вернулись Котяра и Стефанов со своими. Привели «пленных» и привезли четырёх «двухсотых». После чего возникло сильное желание не размещать пригнанных по камерам, а вывести к ближайшей проруби и поступить по законам военного времени...

– Вы ещё скажите, что всю раненую сволочь в госпиталь отправили! Теперь охрану к ним приставлять придётся! Добить надо было – и всё!..

– Денис Анатольевич, в данном случае считаю это нецелесообразным! – Стефанов пытается сдержаться, но отвечает резко: – Мы не в германском тылу, а в столице! Рядом – михайловские юнкера! При них надо было контроль проводить?

– Извините, Димитр Любомирович, погорячился... Среди этих есть что-нибудь, заслуживающее внимания?

– Несколько человек, как мне кажется, – басурмане, не имеют российского подданства. Слушаются в основном вон того финна. Он сдал нам бесчувственного полковника Энгельгардта, а после, воспользовавшись моментом, попытался бежать. Уходил грамотно, где-то его этому учили.

– Ну, давайте посмотрим, что за горячий финский парень попался...

Подходим ближе к предмету разговора.

– Эй ты! Имя, фамилия, звание, какого полка!..

– Й-а не-е солдат-т! Й-а ест Тойво Вялсаянен! Й-а ест суомалайнен!.. Пот-танный Княшест-тва Финлянтскоко!..

– Да вижу я, что чухня. И что с того? Одет в форму – значит, солдат. Погоны сорвал, так мы быстро узнаем, где служил. И за нарушение присяги – на ближайшую осину!

– Фы не имеет-те прафа! Перкеле рюся-а-а!

Вот не ругался бы, и не получил бы «саечку» прикладом от конвойного. Финского он, конечно, не знает, а вот интонацию просчитал «на раз». Естественно, получив мой одобрителный кивок.

– Слушай ты, Вяйнемейнен хренов, – мобилизую свои очень небольшие знания о финнах, – хочешь в Туонелу прогуляться? По чёрному лебедю соскучился?.. Ты ещё ничего не понял? Тебя взяли с оружием в руках на территории Российской империи и судить будут по её законам!.. Так, этого – в одиночку. И тех, кто не по-русски «Отче наш» читать будет – тоже!..

От дальнейшего пути к нахождению взаимопонимания меня отвлекает посыльный, сообщающий, что его высокопревосходительство генерал от кавалерии Келлер жаждет видеть капитана Гурова прям-таки незамедлительно. Приходится отложить все дела и бежать к вышестоящему начальству... Которое сообщило, что убывает на вокзал встречать великого князя Михаила с эскортом в виде взвода штурмовиков, а на меня, как на единственного, кому можно доверить специфические поручения, возлагает обязанность поработать ещё

немного «пожарной командой». То есть все проявления мятежа в городе пресечены, но если в отсутствие Фёдора Артуровича где-то что-то полыхнёт, можно мчаться туда и «тушить», да «мочить» не стесняясь, в меру фантазии господина капитана и степени опасности для общественного порядка. И что оный господин капитан подчиняется только начальнику оперативного отдела штаба корпуса полковнику Бойко.

За ранним утренним кофейком поговорили с Валерием Антоновичем «за жизнь», и, получив «добро», я отправился в казематы помогать пародиям на карбонариев колотья по горячему. Местные господа из Отдельного корпуса не совсем хорошо знали английский, в ходу больше был французский и немецкий, поэтому всех плохо говорящих на языке Пушкина, Достоевского и родных берёзок я взял себе. Таковых оказалось семеро, не считая горячего финского парня, остужавшего сейчас свой пыл в карцере. Было очень смешно слушать «русских парней» с наглыми мордами типичных ирландцев и прочих англосаксов и знанием русского языка на уровне «дуай уыпим уодки».

От сего увлекательного, хоть и однообразного занятия меня отвлекает Бессонов, зашедший узнать, как идут дела. Послушав пару минут бесплодную полемику, он машет рукой и предлагает иное решение вопроса:

– Господин капитан, по-моему, это бесполезно. Оставьте этого бедолагу...

Вызванный конвой уводит очередного уроженца Белфастщины в камеру, а подполковник вдруг вспоминает:

– Ну-с, Денис Анатольевич, каковы впечатления?

– Очень хочется всех этих заламаншских и заокеанских радетелей о благе России обнять крепко-крепко. И держать так, пока не посинеют необратимо... Они же, твари, преysкурaнт сделали на убийство офицеров. Роялти – в зависимости от чина и рода войск, мореманы идут с коэффициентом «полтора»!

– Что ж вы хотите? Ваша фраза, кажется, «бизнес, ничего личного»... Денис Анатольевич, чуть не забыл! Его высокопревосходительство просил показать вам одного арестанта. Интересно излагает, однако. Причём полиграф гарантирует честные ответы... Заодно кое-что и про офицеров понятней станет...

Минут через семь в кабинет доставляют невысокого унтера. Утиный нос, затравленный взгляд, голова инстинктивно вжата в плечи...

– Вот, Денис Анатольевич, полюбуйтесь на красавца. – Бессонов театрально простирает руку в сторону арестанта. – Взят с оружием в руках при попытке захватить Финляндский вокзал. Помимо всего прочего обвиняется в убийстве своего ротного командира штабс-капитана Лашкевича.

– Ты кто таков будешь, красавец? – пытаюсь завязать знакомство.

– Лейб-гвардии Волынского полку унтер-офицер Тимофей Кирпичников... – в голосе сквозит тоскливая и безнадёжная усталость.

– Ну, рассказывай, унтер-офицер.

– А чё рассказывать-то? Я уже всё порассказал.

– Господину капитану интересно, как на Знаменской дело было, – приходит на помощь Бессонов.

– Ну, известно как. Выставили нас на площади этой, чтоб мы шествия не пропускали. Так и стояли, не жрамши, не пимши, с семи утра до часу ночи... Сначала бабы шли, кричали: «Солдатики, родные, не стреляйте!» Я тогда к Лашкевичу подошёл, говорю, мол, за хлебом же идут, чего стрелять-то. Он тогда ешо трезвый был, разрешил пропустить. Так и прошли они... А потом другие шли, в тех уже стрелять было приказано. А Лашкевич да прапорщики наши, Воронцов-Вельяминов да Ткачура, каждую четверть часа в гостиницу бегали. Говорили, што, мол, чаю попить. Тока водку оне там пили, по запаху слышно было... А пока оне тако грелися, я солдатам говорил, што, дескать, погибель со всех сторон. Будем стрелять – беда, не будем – тож беда, под суд пойдём. А потом решили целиться по верх людей. Тока не помогло это. Када залп дали, толпа вся не побегла, часть к парадным и воротам жаться начала. Воронцов снова командовал стрелять, а опосля, видя, што мы не попадаем, отобрал у Слескаухова винтовку и сам начал стрелять. Барышню ранил, в коленку попал ей, господина какого-то сбил на мостовую, потом дострелить хотел, всего троих убил и двоих ранил. Потом Ткачура прибёг, тож винтовку взял. Девчонку какую-то ранил, в бабку стрелял...

– Ну как вам, Денис Анатольевич? – Бессонов вопросительно смотрит на меня.

– Очень интересно... Благородий этих нашли?

– Пока – нет, скрываются. Но волнения прекратились, должны вернуться в батальон. По ним Особый трибунал будет работать. Скорее всего – отправят, как вы говорите, «груз двести» до ближайшего кладбища.

– Груз двести – это про своих, а тут... В общем, понял.

– А теперь самое интересное... Рассказывай, как Лашкевича убил, – подполковник вновь обращается к Кирпичникову.

– Не я это... – Унтер сразу становится угрюмее. – Када в казарму вернулись, все роптали, как это можно офицерам в баб да стариков стрелять. Спать не ложились, думали-гадали, что назавтрева делать будем... А в роте у нас человек десять активных было... Ну, которые про политику говорили. От двое из них и привели его...

– Кого?

– Агитатора. Тож в шинели, чтоб спрятаться удобнее было. До утра просидели, он всё нас уговаривал к демонстрантам присоединяться, чтоб вместе, значит, быть. А утром на построении Лашкевич прибежал, скомандовал, чтоб сызнава готовились и патронов поболее взяли. А мы и отказались идтить... Лашкевич из казармы выскочил, за подмогой побежал, да этый финн...

– Какой финн? – сразу интересуюсь, слишком часто о них слышу за последнее время.

– Да агитатор этый... Винтовку схватил и выстрелил из окошка. Сразу в затылок попал...

– С Литейного моста «пленных» недавно пригнали, среди них один финн есть, – сообщаю новость Бессонову.

– У нас их уже четверо, всех ему показывали, пока что не признал. Покажем и новенького, – успокаивает меня подполковник и обращается к арестанту: – А что ж ты убийцей назвался?

– Так я там самый старший был. Окромя их благородий...

– Вот так вот, Денис Анатольевич. – Бессонов дождался, когда уведут Кирпичникова. – Офицеры гвардии!.. Краса и цвет!.. Пусть даже ускоренных выпусков... Ночью все кошки серы. Будем разбираться...

Глава 9

Далее разговор не продолжился ввиду того, что одновременно со стуком в дверь появляется Иван-в-квадрате, один из моих «призраков», прозванный так из-за ширины плеч, комплекции а-ля Поддубный и отчества Иванович.

– Командир!.. Виноват, вашскородие, дозвоьте обратиться к батальонному!..

– Уже обратился. Продолжай... – улыбается Бессонов.

– Его выскородие полковник Бойко к себе требует. Говорит – срочно...

Лицо непроницаемое, но в глазах чёртики прыгают. По тревоге так не оповещают, следовательно, сюрприз из приятных. Но срочно – значит, срочно. Быстренько прощаюсь с подполковником, оставляя ему дальнейшие поиски ответа на вопрос «Who is who?» среди пойманных борцов за справедливость, и тороплюсь в штаб. Захожу в кабинет, Валерий Антонович внимательно слушает кого-то, сидящего спиной ко мне... Нет! Не кого-то!.. А его благородие хорунжий... Опаньки! И даже не хорунжий, а уже сотник Григорий Михайлович Митяев!

Правые ладони встречаются со звуком почти пушечного выстрела, а потом мы с Гришей начинаем, довольно урча, тискать друг друга в объятиях.

– Ну-с, господа офицеры, вы тут пообщайтесь, только прошу мебель не ломать, а я пойду узнаю, что нового на телеграфе. – Валерий Антонович деликатно оставляет нас одних.

– Ну, здравствуй, Гриш! – Заканчиваю «поединок» ничьёй.

– Здоров будь, Денис! Давненько ж мы не виделись!.. – Михалыч довольно улыбается. – Навроде в Первопрестольной рядышком квартировали, а не вырваться никак было... Как вы тут повоевали?

– Нормально. Только я самое интересное пропустил...

– Не, ну ничего себе, пропустил! А Царское Село на уши кто поставил? – Митяев давно уже взял на вооружение мои словечки. – А главарей этих кто пеленал? Это называется – пропустил?.. Помнишь, ты как-то рассказывал про нынешнего кайзера, што он во все дела лез по делу и не по делу? Как ты там говорил?

– Он хотел быть младенцем на всех крестинах, невестой на всех свадьбах и покойником на всех похоронах, – отвечаю по памяти вычитанное когда-то у Пикуля.

– Ну так это ж прям про тебя, брат, сказано... – широко улыбается Михалыч.

– Ладно, хорош наезжать... Рассказывай, как вы там справились?..

– Ну, скажу сразу – твои барышни живы и здоровы. Так же как и все остальные у академика. Там Анатолий Иванович комедь крутил, – Михалыч сбивается с «приличного» русского языка, которым пришлось овладеть, будучи постоянно рядом с регентом, на свой нормальный. – За што купил, за то продаю, он сам рассказывал... В Институт толпа двинула где-то с роту, человек двести. Сброд всякий, половина – гопота хитровская. Только командовали ими урки пополам с горе-воями какими-то. На пяти грузовиках, промежду прочим! А сзади ешо парочка порожних. Для хабару, видать... Только вот в незнакомках были, што за орешек их поджидает. А у Дольского в кентаврах хоть и не Вильхельмы Телиевые, но стреляют – дай бог каждому. С двух засад по дороге повыбили почти всех главарей. От и осталась парочка, которая всю честну компанию и подвела... Под самые ворота... Помнишь последний поворот? От как раз за им Анатолий Иванович и поставил два бронехода, сразу всю дорогу перекрыл...

– Погоди, что за бронеходы?

– А это тебе лучше знать, твой же тестюшка на заводе у Павлова командует.

Не понял!.. Это что, «Алис Чалмерс ин Раша» уже МС-1 слепила или что-то в стиле Т-34-85? До Т-72, ясное дело, пока не дотянули, но надо будет глянуть обязательно...

– На что они похожи?

– Да как броневики, тока сзади замест одного колеса несколько стоит. И этой... О, гусанкой обмотаны... – Михалыч щеголяет новомодным словечком. – Сверху – башня... Так шофер говорил... А в ней – пушка... Как же его... Маклинка, што ль... И «льюйс» рядышком.

Стоп! Павлов же когда-то показывал подобное... Несущий бронекорпус ему делали на Ижорском... А сборку, значит, у себя под боком наладил! Молодца, однако!

– И что?

– А за бронеходами наш господин ротмистр через жестяной рупор у них и спрашивает, мол, пожить ещё немного хотите? Тогда кидайте оружие. Ну, а те пока совещались, один из пушкарей под передний грузовик снарядик-то и положил. Анатолий Иванович за это про него так сказал, я аж умилился!.. Мы, мол, эти автомобили от самой Москвы берегли, чтобы потом кататься, а энтый... Ну ты знаешь, как он умеет!..

– Гриш, не томи!

– Да всё уже и рассказал вроде... Те винтовки покидали, да кто в лес, кто по дрова. А там уже Дольского ребятки их встречают. Ну и, как всегда, лапы в гору, мордой в снег. А потом обратно их пёхом гнали до самой Первопрестольной.

– А в самой Москве как всё прошло?

– Ну, у нас же голодных очередей не было, народ поспокойней был. То, што баранки с кренделями да булки с маком запретили – невелика беда. А обычного хлеба хватало, хоть и собирались с марта карточки вводить. Фабриканты хотели на отсутствии сахара у народа сыграть, мол, угля не подвезли, стоять рафинадные заводы будут. Да промашка вышла, нашёлся уголёк-то... Но всё равно, не их, так других подбили, с Гужона, с АМО, с «Динамо». Те понаобъявляли забастовки, на улицы вышли. Песни поют, красные флаги тащут... Сунулись было солдат агитировать, в Спасские казармы, на Покровку, в Хамовники, да получили от ворот поворот. Тогда пошагали к городской Думе рассказать властям про свои хотелки. Там уже этот... Комитет общес-твен-ных организаций какой-то успели создать, КООМом назвали. Пришли, рассказали, ещё песенок попели, вечером по домам разбрелись, чтоб назавтра вновь там собраться. Даже полицейских не трогали, те им спокойный проход обратно сделали.

А назавтрева на всех углах конные разъезды, улицы перекрыты. Генерал Мрозовский, Москвою командовавший, по желанию регента и телеграмме из Ставки осадное положение объявил. О чём листовками тут же все углы пообвешали. Запрет на сборища, шествия, комендантский час ввели. Хитровку аж всю окружили и облавой прошлись, такого страху нагнали!.. Воронцова товарищи задолго все места и всех активных на карандаш взяли. А в тот день и обезвредили. Да и против кого рыпнулись бы? Сомнения тока 56-й и 192-й пехотные внушали. Вот их и убрали с важных мест. А так... «Учебки» гренадёрские, а это – Фанагорийский, Самогитский, Астраханский полки, «железный» Деникинский да Калединский сводный, рота Георгиевского батальона, кавалерийская бригада из нашего Особого корпуса, казачий полк от хана Нахичеванского... Да, юнкера Александровского и Алексеевского училищ тож отличились, в патрулях за порядком следили. Кремлёвский арсенал да Симоновские пороховые склады под охрану взяли, ни ствола, ни патрона на сторону не ушло. Бутырку и Лефортово блокировали, чтоб все сидевшие там мазурики не разбежались... А уж когда покушение на регента было... – Михалыч сразу становится мрачным и серьёзным. – После того никто нам на глаза попадаться даже не хотел, все по домам прятались...

– Кого из наших там?.. – голос как-то предательски дрогнул.

– Гунна и Беса... Оба – тяжёлые. Бес, скорее всего, выкарабкается, но останется увечным, а вот Гунн... Не жилец... Два ранения в живот, одна пуля насквозь через лёгкое... Они первыми ехали, на себя огонь приняли, дали остальным пару

секунд спешиться и рассыпаться... Денис, когда следствия всякие кончатся, мы как-нибудь этого стрелка сможем забрать?..

– Михалыч, сам же знаешь! Вслух никто ничего и не скажет. Только конвой особо не трогайте...

– Да не-е, мы ж с пониманием... Ладно, брат, я ж здесь по официальной части. Надлежит вам, господин капитан, сегодня в четыре часа пополудни прибыть в Аничков дворец. По указанию его императорского высочества регента великого князя Михаила Александровича. При всех этих... Как их... Ре-га-ли-ях...

– Охренели?! Где я их возьму, блин?

– Значицца, в тоем што есть явишься. Будешь там самым скромным. Все – по-парадному, один ты, как босяк, с Георгием на груди и Владимиром на шее. И пошто таких во дворец звать?.. – прикалывается Михалыч. – Хорошо, што брательник у тебя есть. Привёз я твои... регалии. И гостинцы тож. Дарья Александровна сама в дорогу собирала...

Глава 10

До сих пор не могу привыкнуть ко всем этим дворцам, уж очень они мне советские музеи напоминают. Так и кажется, что вылезет сейчас какая-нибудь бабушка-пенсионерка с одухотворённым личиком баронессы в надцатом поколении и поведёт за собой по залам, предварительно озаботившись стопроцентным переобуванием экскурсантов в тапочки. Типа посмотрите направо, посмотрите налево. Ах, какая лепнина! Ах, какие плафоны! Ах, какие медальоны!..

В этот раз дорогу нам торжественно указывал то ли очень младший гоф-курьер, то ли очень старший лейб-лакей, то ли ещё кто-то. Никак не могу разобраться в этих чинах и званиях, да и желания это делать никакого нет...

Правда, торжественность была мрачной. Наши с Келлером шаги одиноко и гулко отдаются под сводами лепного потолка парадной лестницы, как-то непривычно

тянет рукав траурная повязка, зеркала задрапированы черной полупрозрачной вуалью, попадающаяся навстречу прислуга разговаривает еле слышным шёпотом, а передвигается и того тише.

– С датой похорон уже определились? – негромко спрашиваю у Келлера.

– Нет. Пока что даже не определились, кого оповещать будут, – генерал также старается говорить потише.

– А что, есть сомнения?

– Денис Анатольевич, хоронить будут не простого человека, а императрицу. А это уже высокая политика и дипломатия. И непонятно, где кончается одна и начинается вторая. Обязательно должны быть приглашены родственники. Я имею в виду заграничных, Елизавета Фёдоровна уже приехала из Москвы. А заграничные – это крёстная Беатриса Саксен-Кобург-Готская, сёстры Виктория и Ирэна Гессен-Дармштадтские и брат великий герцог Эрнст-Людвиг Гессенский. С первыми тремя всё вполне решаемо, а вот герцог в данное время официально воюет против нас. И чтобы он здесь появился, нужны, во-первых, разрешение на то Вильгельма, а во-вторых – гарантии его безопасности и последующего возвращения. А связаться с кайзером, сам понимаешь, проблематично. Горячую линию ещё не изобрели.

– Насколько я знаю, он тоже приходится родственником, правда, императору. Как и король Георг, кстати. Их тоже приглашать будут?

– А я откуда знаю? Ну, даже если и так, то его британское величество вряд ли дёрнется. Китченер вон уже допутешествовался. А кайзер?.. Уведомление о кончине уже разослано МИДом во все посольства. Вполне может быть, что через шведов или датчан и Германию оповестят... Но в гости звать – ну его! Даже если под честное слово регента... Кто-нибудь из великосветской... кх-м... компании опознает, поднимет шум, – и получите второй путч. Не считая мелких бунтов...

– Понятно. А из «местных» все будут?

– Точно не знаю, но, кажется, нет. Всё это сборище... Часть великих князей, княгинь и прочих разделились во мнениях. Одни так или иначе поддерживают Семью, то есть вдовствующую императрицу, регента, княжон и Алексея Второго.

Часть кучкуется вокруг Михень и её выкормышей. Кирилл сидит у нас, Бориса уволили от должности походного атамана, выпнули из свиты. Андрей также распрощался и со свитскими погонями, и со своей гвардейской Конной артиллерией. Самой Марии Павловне отказано в аудиенциях. Остальные, не столь активно участвовавшие в великокняжеской фронде, выжидают, чем всё закончится, чтобы примкнуть к победителям. Но раскол есть и будет расти. Гаринские ревизоры представили Михаилу материалы о «шалостях» семейства Романовых, и он, я думаю, уже поделился впечатлениями с матерью. Так что на похоронах будут далеко не все... Всё, пришли...

Наконец-то мы доходим до комнаты, где уже собрался народ. Правда – совсем немногочисленный. Помимо нас с Фёдором Артуровичем ожиданием мается тот самый, насколько я понимаю, полковник Кутепов и... И старший лейтенант Воронов. Причём что-то с ним очень не так! Не лицо, а пустая маска, во взгляде – боль и... Ещё что-то, не поддающееся пониманию.

– Здравствуйте, Павел Алексеевич. – Подхожу к старлею, пока Келлер о чём-то шепчется с Кутеповым. – Прошу извинить, если лезу не в своё дело, но у вас такой вид... Я могу чем-то помочь?

– Здравствуйте, Денис Анатольевич... – Воронов смотрит шальными глазами. – Нет, вы уже помогли... От судьбы не уйдёшь...

Не понял, и где я ему дорогу перешёл? В Александровском дворце бок о бок были, вроде без подстав и косяков...

– Когда мы были в Царском Селе... Ольгу... Мою супругу... Её убили...

– Примите мои соболезнования... – меня хватает только на эту фальшиво-дежурную фразу, которую, похоже, Воронов не замечает.

– ...Уезжая, я оставил дома маленький браунинг. Чтобы и ей, и мне было спокойней... Дворник сказал, что ночью за мной приехали... Показывали какую-то бумагу... Поднялись на этаж, стали ломиться в квартиру... Он слышал, как она кричала, чтобы они убирались, что меня нет, а потом выстрелила через дверь... Они – тоже... Господь смилостивился, она умерла мгновенно, пуля в голову, пуля в сердце... *Ducunt Volentem Fata, Nolentem Trahunt* [б - Желаящего судьба ведёт, нежелающего – тащит.]. Денис Анатольевич, я знаю, вы наверняка связаны с

теми, кто ведёт следствие... Я прошу вас, если вдруг станет известно...

– Да, Павел Алексеевич. Я сообщу. И даже постараюсь устроить личную встречу... – Больше ничего пообещать не успеваю, потому что двери открываются и нас приглашают войти. Окна плотно затянуты портьерами, единственный источник света – люстра, свет которой придает бордовой парче на стенах какой-то кровавый оттенок...

Едва последний из нас заходит, открывается дверь в противоположной стене, и дяденька лет под пятьдесят в мундире камергера негромко объявляет:

– Её императорское величество вдовствующая императрица Мария Фёдоровна... Его императорское величество император Николай Второй... Его императорское высочество регент империи великий князь Михаил Александрович... Их императорские высочества великие княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Мария Николаевна, Анастасия Николаевна...

В зал входит царская семья. Все, включая Николая, одеты в чёрное, только на регенте генеральский мундир с траурной повязкой. Он и обращается к нам:

– Здравствуйте, господа... Мы пригласили вас для того, чтобы выразить благодарность за вашу верность престолу и объявить свою волю...

Далее слово берёт тот самый камергер, который открывает бювар и начинает зачитывать лежащее там высочайшее повеление:

– Великий обет служения повелел нам всеми силами стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Проявления беспорядка, бесчинств и насилий стали прямой угрозой для всех людей, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга...

Официально-торжественный речитатив звучит в полной, не нарушаемой никем и ничем тишине:

– ...Ныне наш общий долг – прекратить смуту и победоносно завершить войну до окончания следующего года. И ничьи заслуги при этом не должны быть забыты. В воздаяние за труды и подвиги, оказанные при подавлении смуты, мы

повелеваем: пожаловать всем...

Ну, это понятно, касается в основном нижних чинов. Участвовавшим в подавлении смуты – светло-бронзовую медаль, не участвовавшим, но не поддавшимся – тёмно-бронзовую. Александровская лента, герб и цифра «1917»...

– ...Пожаловать всем, имеющим классный чин, в том числе и отставным, участвовавшим в подавлении смуты, следующий классный чин, но не выше второго класса...

Это что, я теперь – подполковник, Стефанов – штабс-капитан, а Котяра – подпоручик?.. Да и в Москве Оладьин, Дольский, Волгин и остальные погоны менять будут! Отлично!.. Ну-ка!..

– ...Пожаловать командующему Петроградским военным округом помимо иных наград вне очереди орден святого Александра Невского и кабинетский перстень с датой «1917»...

Так, благодетельствовали Фёдора Артуровича... А когда про моих орлов вспомнят?.. О, вспомнили!..

– ...Пожаловать всем нижним чинам, участвовавшим в освобождении государя и его семьи, помимо иных наград, серебряную медаль на андреевско-александровской ленте с профилем государя и датой «1917». Сия награда носится вместе с боевыми наградами. При этой медали – денежная выдача в сто рублей золотом из кабинетских сумм. Также пожаловать всем вышеупомянутым нижним чинам право на зачисление по прошению в роту дворцовых гренадеров при достижении ими надлежащего возраста...

Пожаловать нижним чинам Гвардейского экипажа, размещенным в Царском Селе и делом доказавшим свою верность государю, помимо иных наград, знак отличия ордена святой Анны. При этой награде – денежная выдача в сто рублей золотом из кабинетских сумм...

Ага, вот и про мореманов!..

– ...Пожаловать российскому офицеру иностранного подданства, участвовавшему в освобождении государя и его семьи, золотую медаль на андреевско-александровской ленте с профилем государя и датой «1917», производство через чин за отличие, орден святой Анны второй степени, кабинетский перстень с датой «1917», денежную выдачу из кабинетских сумм в тысячу рублей золотом и право входа за кавалергардами.

А это – персонально для Кегресса. Ну, в принципе – правильно!..

– ...Пожаловать офицерам, участвовавшим в освобождении государя и его семьи, помимо иных наград, золотую медаль на андреевско-александровской ленте с профилем государя и датой «1917», носимую вместе с боевыми наградами, кабинетский перстень с датой «1917», денежную выдачу из кабинетских сумм в тысячу рублей золотом и право входа за кавалергардами. Также пожаловать орден святого Владимира четвертой степени тем из них, кто ранее не имел сей награды.

И про нас, грешных, не забыли...

– ...Пожаловать командиру отряда, освободившего государя и его семью, помимо иных наград, двухгодичное преимущество в старшинстве с правом использовать его в любое время по прошению, золотую медаль на андреевско-александровской ленте с профилем государя и датой «1917», кабинетский перстень с датой «1917», денежную выдачу из кабинетских сумм в тысячу рублей золотом и право входа за кавалергардами. Также отремонтировать его дом за счёт кабинетских сумм в течение этого года. Орден ему не жалован ввиду наличия всех боевых наград, возможных в его чине.

И мою скромную персону стороной не обошли! Особенно прикалывает право входа за кавалергардами. Или я ещё каких-то этикетских тонкостей не знаю. Вот отремонтировать дом – это уже куда лучше. Учитывая необходимость превращения его в очень секретный бункер...

– ...Пожаловать всех кавалеров ордена святого Георгия четвертой степени или Георгиевского оружия или ордена святого Владимира четвертой степени с мечами и бантом, имеющих чин седьмого класса, правом поступления в Николаевскую академию Генерального штаба. Также пожаловать правом поступления в Николаевскую академию Генерального штаба офицеров,

произведенных в чин седьмого класса за подавление смуты. Подвиги не должны быть препятствием для обучения...

За отвагу при подавлении смуты и освобождении государя и его семьи, пожаловать первому отдельному гренадерскому Нарочанскому батальону права гвардии. Утвердить знак батальона, разработанный его офицерами. Единоновременно обмундировать батальон по гвардейским нормам из сумм Удельного ведомства...

А вот это – самое вкусное!..

– ...Пожаловать всем частям и отдельным подразделениям, участвовавшим в подавлении смуты, романовские ленты на знамена и штандарты. Всем офицерам, участвовавшим в подавлении смуты и прежде не имевшим потомственного дворянства, пожаловать оное с занесением их родов во вторую часть Дворянской родословной книги Российской империи и Дворянских родословных книг их губерний...

Глава 11

Камергер заканчивает оглашение, откладывает бювар и берёт ещё одну папочку, попухлее. Открыв её, подходит к великому князю Михаилу.

– Полковник Кутепов, поздравляю вас чином генерал-майора. – Регент, взяв из папки погоны, вручает их адресату. – Благодарю вас, Александр Павлович! Насколько я знаю, офицерское собрание Преображенского полка доверило вам возглавить суд чести, что говорит о вашей кристальной честности. И во время мятежа вы остались верны присяге и не стали трусливо отсиживаться по квартирам, как иные гвардейские офицеры. В новом чине вакансии в полку для вас не найдётся, поэтому мы решили назначить вас комендантом Петропавловской крепости.

– Служу престолу и Отечеству, ваше императорское высочество! – судя по тону, Кутепов несколько ошарашен произошедшими с ним переменами. А вообще – решение правильное. Верный офицер на очень нужной должности. Насколько я

знаю, по значимости – третий человек в Питере после... теперь уже регента и генерал-губернатора. И крепость легко переводится из декоративного в боевое состояние. Подкинуть пулемётов, пушек, сделать нормальную радиосвязь... В случае чего и до узников с арсеналом никто живым не доберётся, и спрятаться там можно, ежели приспичит...

– Старший лейтенант Воронов, поздравляю вас чином капитана второго ранга. – Михаил Александрович вручает следующую пару погон. – Павел Алексеевич, во время известных событий в Царском Селе вы показали себя с самой наилучшей стороны. Более того, сумели переубедить часть матросов, обманом вовлечённых в заговор. Господин капитан второго ранга, вы назначаетесь командиром сводного батальона Гвардейского экипажа вместо капитана 1-го ранга Мясоедова-Иванова. Прошу подготовить соображения по замещению образовавшихся офицерских вакансий... Да, великая княжна Ольга Николаевна пожелала стать шефом Гвардейского экипажа. Надеюсь, у вас не будет возражений...

Оп-па, какие взгляды-молнии! Ну, вы ещё покраснейте, сладкая парочка!.. Ага, Ольга Николаевна немного зарумянилась, а Воронов держится... Интересно, а кто теперь всем Экипажем командовать будет вместо Кирюхи? Надо будет потом у Артурыча спросить...

– Капитан Гуров-Томский, поздравляю вас чином подполковника.

Делаю три шага вперёд, останавливаюсь, и регент вручает мне мои новые погоны. Как и положено, рявкаю: «Служу престолу и Отечеству!»

– Вам, Денис Анатольевич, новой должности не предлагаю, зная ваше желание не расставаться с батальоном. Генерал Келлер говорил мне, что у него была идея развернуть его в полк, но вы оказались против.

– Так точно, ваше императорское высочество. Выигрывая в количестве, проиграем в качестве. Второй состав батальона только сейчас дотягивается до уровня первого. Если набирать ещё людей, не хватит командиров и инструкторов...

Становлюсь в строй, видя удивлённое лицо полк... извините, уже генерала Кутепова. Это, в смысле, отказ от статуса полкового командира вызывает такие

эмоции или слово «инструкторы»? Ничего, мне с его превосходительством теперь тесно общаться придётся, наудивляется ещё...

По окончании церемонии нас с Фёдором Артуровичем останавливает знакомый уже «бодигард» вдовствующей императрицы Тимофеей Ящик.

– Ваше высокопревосходительство, дозвоьте обратиться к его высокоблагородию... Вас просят в кабинет. Пройдёмте...

Стоявший рядом Келлер, с которым я хотел обсудить ближайшие планы, с понимающей улыбкой удаляется. А я вслед за казаком поднимаюсь на третий этаж, он доводит меня до нужной двери. В отличие от остальных помещений, этот кабинет кажется строгим и даже аскетичным. И видно, что нечасто тут кто-то бывает и что на всём чувствуется аура предыдущего хозяина. Небольшой письменный стол, пара кресел, диванчик, два шкафа с книгами... Великий князь Михаил стоит возле окна и, задумавшись, смотрит куда-то вдаль и даже, кажется, неслышно разговаривает с кем-то видимым только ему...

– Ваше императорское высочество, капитан Гуров... – По неписаной традиции пока погоны не обмыты – они недействительны.

– Полноте, Денис Анатольевич, официальная аудиенция закончена. Вдовствующая императрица и я хотели поговорить с вами приватно. Мы обсуждали с ней одну довольно... щекотливую тему, касающуюся всех нас. Я имею в виду – носящих фамилию Романовы. Здесь, в личном кабинете отца этому разговору будет самое подходящее место. К сожалению, времени у нас мало, поэтому я буду говорить без обиняков... – регент делает паузу, снова поворачиваясь к окну. Видно, что ему нелегко дались последние дни. Нахмуренные брови, складки у рта, взгляд стал жёстче и угрюмей...

– Денис Анатольевич, прошу понять меня правильно, сейчас я изложу личную просьбу... Правящие не могут позволить себе такую роскошь, как личная месть. Моя супруга и мой сын погибли. Я знаю, кто и по чьему наущению это сделал. Но суду подлежат только оставшийся в живых исполнитель Барановский и Кирилл, которого прежде нужно будет лишить великокняжеского титула. Остальных даже ныне создаваемые трибуналы не признают виновными. А я хочу, чтобы кару понесли все!.. Может быть, это малодушно и недостойно... Впрочем, это личное, простите... Когда-то в кабинете академика Павлова вы говорили о том,

что наказаны должны быть все, независимо от юридических выкрутасов. И что в вашей истории существовали некие «эскадроны смерти»...

– Прошу принять мои соболезнования, ваше императорское высочество! Насчёт эскадронов – да, таковые были, правда, не в России, а в Латинской Америке. Нелегальные или полулегальные военизированные организации, которые боролись с противниками правительств, действовавшими террористическими и партизанскими методами. Иными словами – удар на упреждение и возмездие за преступления. С этим я согласен целиком и полностью. Но помимо этого в их практике было много такого, что считаю несовместимым с честью офицера... Насилие над ни в чём не повинными людьми, шантаж, вымогательство...

Оборачиваюсь на звук открывающейся двери и вытягиваюсь по стойке смирно. Потому как в кабинет входят вдовствующая императрица и великая княжна Ольга.

– Я хочу ещё раз поздравить вас, господин полковник. – Мария Фёдоровна очень серьёзна. – И прошу простить за то, что даже не дали времени привести форму в порядок. Я имею в виду новые погоны. Дело в том, что всё, что здесь и сейчас будет сказано, должно остаться тайным от всех... Вы уже два раза доказали свою честность, самоотверженность и преданность нашей семье. Я хочу просить вас и впредь быть её стражем.

– Покорнейше благодарю вас, ваше императорское величество! – Стандартная фраза – это всё, что могу выдать из себя.

– Вы вправе отказаться, но сделать это должны прямо сейчас. Дело в том, что я хочу просить честного человека заняться бесчестным делом...

Кажется, я начинаю догадываться, откуда ветер дует и почему ВэКаэМ завёл разговор об эскадронах...

– Можете распоряжаться мной как угодно. Я готов сделать всё для безопасности императорской семьи!..

– Я начну издалека... Вы, конечно, знаете о крушении поезда императора Александра Третьего. Мы тогда чудом спаслись. Если бы не Саш... его величество, державший, насколько это было возможным, рухнувшую крышу

вагона, погибли бы мы все, кроме Михаила и Ольги... Великой княжны Ольги Александровны... Расследование пришло к заключению, что виной всему было плохое состояние железной дороги. Это было сообщено для широкой публики, чтобы не вызвать волнений. На самом деле в вагоне взорвалась бомба. Её принёс помощник повара, который был связан с террористами из «Народной воли». Он выставил часовой механизм на время нашего завтрака и отстал от поезда на предыдущей станции. Потом он бежал в Румынию, затем появлялся в Швейцарии и, наконец, осел в Париже. Там его заметил генерал Селивёрстов. Он долгое время заведовал Политическим отделением МВД, а уйдя в отставку, жил в Париже. Генерал сообщил об этом в Петербург, а вскоре его нашли мёртвым. Поварёнок тоже был убит. Причём накануне он сообщил журналистам, что готов раскрыть все подробности той катастрофы... Но убийцы не учли одного! Все бумаги генерала Селивёрстова были опечатаны и отправлены дипломатической почтой в столицу. Там их тщательно изучили... Я не хочу вдаваться в подробности, но один верный человек предоставил мне убедительные доказательства того, что за покушением и убийствами стоял великий князь Владимир Александрович... Связь поварёнка с революционерами была приманкой, на которую должны были клюнуть пытливые умы. Я открыла правду супругу, но он не хотел ни во что верить. Слишком был привязан к младшему брату... После кончины императора Владимир постоянно пытался скомпрометировать Николая. Наиболее успешно ему это удалось в Кровавое воскресенье. Будучи командующим Петербургским военным округом, он все обязанности переложил на начальника штаба. Но в тот день лично отдал приказ о жесточайшем вооружённом пресечении беспорядков. Несмотря на все возражения и уговоры... После смерти великого князя Мария Павловна, его супруга, продолжила интриги, видя одного из своих сыновей следующим императором. Результат её действий вы видели своими глазами... Они все должны ответить!..

– Прошу меня извинить, но великие князья тоже носят фамилию Романовы. И судить их может только император...

Меня уже агитируют! Да я обеими руками «за», но слово должно быть сказано!

– Двух своих сыновей я потеряла из-за неизлечимой болезни! Сейчас чуть не потеряла третьего! Девочки и Алексей остались по злой воле сиротами! Все хоть как-то виновные в этом должны умереть! – Вдовствующая императрица подходит к Михаилу и становится рядом, как бы закрывая от опасности. И я почему-то вместо пожилой женщины вижу разъярённую валькирию Дагмар

Христиандоттир.

– Ваше императорское величество! Ваше императорское высочество! Я жду дальнейших указаний!

Раз уж здесь появились валькирии, то почему бы мне не стать их хирдманном-берсерком? Как там пели викинги – «Ветер попутный нам и смерти»?..

Глава 12

Через два дня его императорское высочество регент Михаил со свойственной венценосным особам непосредственностью через Келлера напомнил, что я до сих пор числюсь офицером по особым поручениям, и вот прямо в сей момент таковое и надо исполнить. Для чего явиться в Зимний сегодня к четырнадцати ноль-ноль без опозданий и при самом полном параде, то есть нацепив на себя всё, что только можно.

Пришлось с сожалением прервать игру «Верю – не верю» с командером мистером Френсисом Кромби, которая заключалась в том, что британец изо всех сил пытался изобразить свою непричастность к заговору, а также свою уникальную белопушистость. А злой русский подпол никак не хотел верить его отчаянным фантазиям и постоянно докапывался до мелочей, в которых просвещённые мореплаватели с Острова привыкли верить друг другу на слово. В общем, попался тупой русский чурбан, который никак не хотел понять, что слово джентльмена является таким же убойным доказательством, что и найденная неопровержимая улика...

«Мон женераль» Фёдор Артурович ещё раз осмотрелся в зеркале сам, затем придирчиво устроил мне персональный строевой смотр и, наконец, предложил прокатиться до Зимнего вместе в генеральском автомобиле. А пока есть время, попить чайку и поговорить о некоем деле. Важном и для нас новом...

– А скажите-ка мне, любезнейший Денис Анатольевич... Насколько вам дороги ваши ордена? И как посмотрите на то, чтобы лишиться одного-двух?

– Силой отбирать будете, ваше высокопревосходительство, или полцарства и принцессу в нагрузку предложите? Так я свою королевну уже нашёл. А полцарства, если надо будет, отберём у кого-нибудь. Вот чьи сейчас Канары, к примеру?..

– Нет, я серьёзно. Павлов, кстати, персональный автор сей задумки, просил похлопотать перед вами, мол, уважьте старика. Михаил Александрович тоже в курсе, хоть и сомневается в успехе. Но просил просто поговорить и не принуждать. А дело вот в чём...

Последовавшую за этим предисловием идею я обдумывал всю дорогу к дворцу. Идиотская фантазия чёрного пиарщика с диагнозом «шизофрения в стадии хронического обострения». Но ведь может и выгореть!..

В кабинете регента помимо меня были ещё двое штатских. Которые оказались министрами дел. Николай Николаевич Покровский – иностранных, Александр Дмитриевич Протопопов – внутренних. Ожидание было недолгим, минут через семь появился великий князь Михаил, а ещё через минуту громко-торжественным голосом было возведено о прибытии на аудиенцию полномочного посла Британской империи сэра Джорджа Бьюкенена. Коим оказался тощий, полностью седой старикашка с бывшими когда-то изящными усами и взглядом типичного англического джентльмена, надменно взирающего на мир через призму величия своей империи и себя любимого. В сопровождении, скорее всего, личного секретаря и переводчика. За восемь лет жизни в Питере не выучить русский язык – характерный штришок, однако...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Добрый вечер, джентльмены. Кто вы? (англ.)

2

Ваши руки, пожалуйста (англ.).

3

Ваши ночные кошмары (англ.).

4

Невские ворота Петропавловской крепости, ведущие из цитадели прямо к водам Невы, в народе называли «Воротами смерти». Их продолжением являлась гранитная пристань со ступенями, спускающимися в реку. Именно через Невские ворота по ночам выводили узников тюрьмы. Отсюда по воде их отправляли прямиком на каторгу или казнь.

5

Спальное помещение для юнкеров (сленг).

Желающего судьба ведёт, нежелающего – тащит.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zurkov_igor/posledniy-ryvok

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)